

# БРИТАНСКИЕ СОЛДАТЫ РАССКАЗЫВАЮТ О БИРМАНСКОЙ КАМПАНИИ – ЧАСТЬ II

ТОМАС ДЖОУСБЕРИ (THOMAS JOESBURY)

## 23-я Пехотная Бригада

Когда 70-ю Дивизию впервые известили о том, что её передают под командование [Орда Уингейта](#), её артиллеристы — 60-й Полевой Полк Королевской артиллерии (60 Field Regiment, R.A.) — восприняли эту новость с ужасом. Это был превосходный, очень боеспособный полк, который в 1941 и 1942 годах отлично проявил себя в Западной пустыне. Его костяк составлял Ланаркширский Йоменский Полк/Lanarkshire Yeomanry. Подготовка грамотного артиллериста — дело долгое и трудное и, пожалуй, требует больше умственных способностей, чем физической силы, и вот теперь Уингейт постановил, что полк должен лишиться своих орудий и превратиться в пехоту. То обстоятельство, что сам Уингейт был артиллеристом, ничуть не смягчало того, что для многих выглядело не иначе как надругательством над полком и его традициями. Несколько человек взбунтовались настолько, что вообще ушли из полка, включая его командира. Большинство же подчинилось воле человека, который к тому времени уже стал национальным героем и имел могущественных сторонников на международном уровне. Они взялись за обучение пехотному делу и начали учиться быть пехотинцами — хотя и пехотинцами особого рода, которых их командир характеризовал как смесь воздушно-десантных войск, коммандо и диверсантов.

Все их с таким трудом приобретённые артиллерийские знания теперь оказались ненужными. К ним были направлены пехотинцы (по одному батальону) из Эссексского Полка, Приграничного Полка/Border Regiment и Шервудских Лесных Стрелков/Sherwood Foresters, а также несколько офицеров, чтобы помочь создать пехотный батальон, который продолжал называться 60-м Полевым Полком Королевской артиллерии и состоял из 60-й



и 88-й колонн LRP (Long Range Penetration – [формирования] Глубокого Проникновения). Сердце полкового духа было вырвано из него — и теперь новый дух, дух [ЧИНДИТОВ](#), предстояло привить людям, собранным из артиллеристов, пехотинцев, связистов, сапёров, санитаров и военнослужащих RAF. Это было далеко не простое дело для командиров колонн — подполковника *Майка* дю Валлона (Mike du Vallon, 1910–1986, на фото слева) и майора Нила Хотчкина (Neil Hotchkin, 1914–2004, известный крикетист, на фото справа). Дю Валлон, кадровый военнослужащий, высокий, чрезвычайно

сильный и физически подготовленный, страстно увлечённый операциями LRP, был специально вызван для этой работы из Англии. Будучи порой суровым приверженцем дисциплины, он не снискал особой любви во время подготовки своего разнородного коллектива. Но во время боевой операции его неукротимая энергия и харизматичное лидерство завоевали ему уважение подчинённых, а вместе с ним — и орден *За Отличие в Службе/Distinguished Service Order*. Хотчкин был офицером территориальной армии и по гражданской профессии биржевым маклером, пользовавшимся весьма серьёзной репутацией как игрок в крикет на уровне графства и как известный гольфист. Он обучал и вёл свою колонну с той лихой уверенностью и блеском, которых можно было ожидать от человека, чья подготовка к войне проходила на спортивных площадках [Итона](#).



Поскольку настоящего полкового духа больше не существовало, две колонны обучались отдельно, в отличие от остальных колонн бригады. Это позволяло им легче превратиться



в сплочённые, самостоятельные и эффективные боевые подразделения. К тому времени, когда 10 апреля [1944 года] они прибыли поездом в Мариани/Mariani, именно такими подразделениями они уже и стали. До тех пор пока 16 апреля он не узнал, что 23-я Бригада окончательно направляется на Нагские холмы, Ланселот Пероун (Lancelot Perowne, 1902-1982, на фото слева), командир бригады, находился в состоянии глубокого разочарования. Шесть его колонн уже находились на Нагских холмах, разыскивая противника — а некоторые уже вступили с ним в бой, —

тогда как статичная задача охраны железных дорог силами 32-й, 60-й и 88-й колонн совершенно не соответствовала его агрессивному темпераменту. Его люди, однако, были слишком заняты, чтобы испытывать разочарование. Им предстояло построить опорный пункт *Норвич/Norwich* и приступить к патрулированию железной дороги, а густые джунгли, в которых они разбили лагерь, предоставляли отличную возможность для тренировок. Там они осваивали навыки, которые впоследствии оченьгодились им.

К 22 апреля обе колонны уже начали долгий и тяжёлый путь по извилистой дороге для машин повышенной проходимости к Мококчунгу/Mokokchung. Если, подобно *Джонни Бёрджессу* (John Burgess, американский военный корреспондент), они считали этот путь чертовски тяжёлым, то, к счастью, ещё не знали, что впоследствии в течение пяти недель им придётся действовать на местности, где реки настолько стремительны, а склоны настолько круты, что гружёные мулы окажутся там бесполезными, и они будут полностью зависеть от [нагских](#) носильщиков. Многие из артиллеристов проникнут в настолько удалённые нагские деревни, где белого человека не видели уже несколько десятилетий, и окажутся среди настолько фантастических горных хребтов, что Нил Хотчкин напишет бригадир: «Эту игру следовало бы назвать «Проникновение через горные хребты», но я ни за что на свете не хотел бы её пропустить».

Количество осадков, выпавших на Нагские холмы во время сезона муссонов 1944 года было самым большим из когда-либо зарегистрированных. До Эссексского Полка (речь идет о его 1-м Батальоне) и *Дюков* (вероятно, речь идет о 2-м Батальоне Полка Герцога Веллингтонского/The Duke of Wellington's Regiment (West Riding) – ВК) муссон добрался только в первую неделю мая, но уже 27 апреля 60-я и 80-я колонны маршировали под проливными дождями и начинали страдать от желудочного расстройства, которое поразило почти весь личный состав 23-й Бригады. Поначалу медики не могли точно определить его причину. Болезнь проявлялась периодическими приступами острой диареи и рвоты, которые могли продолжаться несколько дней подряд. Ее воздействие было чрезвычайно изнурительным и вдвое осложняло тяжёлые горные марши. Одной из причин считалась непривычная для людей большая высота, на которой они действовали, другой — постоянная сырость после того, как по-настоящему начался сезон дождей. Ещё одной причиной считалось колоссальное физическое напряжение: людям приходилось тащить невероятно тяжёлые рюкзаки вверх по чудовищно крутым склонам. Когда проанализировали воду из местных источников, выяснилось, что она содержит большое количество сульфата магния — сильнодействующего слабительного.

После первых четырёх-пяти недель дополнительным фактором стала чудовищная однообразность К-рационов. Одного взгляда на некоторые продукты из этого пайка — особенно на банку консервированной свинины — было достаточно, чтобы вызвать приступ тошноты. Однако не все военнослужащие 23-й Бригады страдали одинаково. Рон Бёрч (Ron Birch) находился в составе штабной колонны бригады — 32-й Колонны. На протяжении всей операции он страдал от хронического запора.



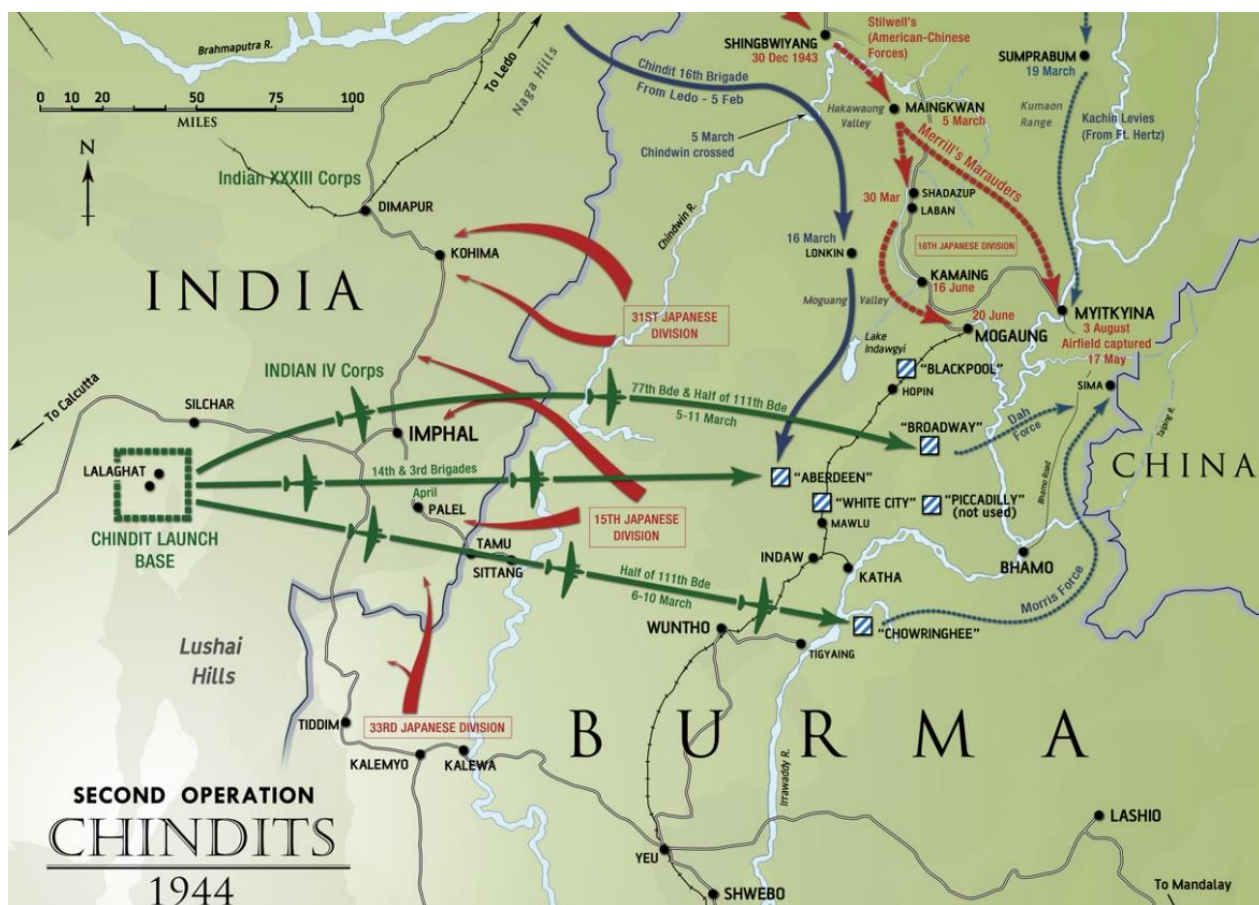
### К-рацион

В пайке К-рациона *Dinner* находился концентрированный фруктовый батончик, который для человека с расстройством кишечника был практически смертельным. Солдаты с огромным удовольствием отдавали свои фруктовые батончики Рону, хотя это почти не помогало ему. А у пребывающего в недоумении офицера-медика Рон постоянно требовал таблетки №9 — стандартное слабительное средство в британской армии. Когда бригаду поразила широко распространившаяся дизентерия, которой военнослужащие заражались в антисанитарных нагских деревнях, Рон Бёрч оказался одним из тех, кого она не затронула. Его кишечник оставался крепким как камень, и к концу операции он оказался в лучшем физическом состоянии, чем большинство остальных.

Кишечное расстройство, получившее название *Naga Hills tummy*, не делало различий между людьми. Сам бригадир страдал от него — с того самого момента, как ступил на землю Нагских холмов, и до самого момента, когда покинул их. Хотя сам он описывал это состояние как «парализующее», удивительным образом даже ближайшие к нему люди не знали, что он болен. Возможно, офицер-медик сумел найти какое-то средство, помогавшее ему, чтобы он мог — с неослабевающей эффективностью — командовать своей бригадой. Впоследствии за это он был награждён Орденом Британской империи. Как бы то ни было, военнослужащие 23-й Бригады не слишком обсуждали между собой состояние своего кишечника. Если медицинский офицер мог предложить какое-либо лекарство, за ним обращались; в противном случае молча терпели.

Приказы Пероуна на второй этап операции предусматривали ведение боевых действий против японских войск, действовавших на Нагских холмах к востоку от Кохимы, и, когда это было возможно, нарушение линий вражеских коммуникаций. На карте был начерчен треугольник, соединявший Газипхему/Gaziphema, Джессами/Jessami и Харасом/Harasom. Предполагалось, что Эссексский Полк, *Дюки* и Приграничный Полк будут устраивать засады на пригодных для джипов дорогах вдоль западной и южной сторон этого треугольника, тогда как колонна Королевской артиллерии должна была двигаться восточнее Пхакекедзома/Phakekedzoma, Джессами и Харасома и устраивать засады на маршрутах, которыми противник пользовался для подхода к этим населённым пунктам. Однако в действительности Эссексский Полк и *Дюки* были оставлены 2-й Дивизией для участия в [боях за Кохиму](#), и для устройства засад оставались только Приграничный Полк и

артиллерийская колонна. Дорога, проходимая для джипов, которая шла с равнины через Мокочаунг на юг, к Пхакекедзومه, была наконец открыта после того, как по ней прошли последние отступавшие японцы. Фактически она представляла собой главный транспортный путь, по которому можно было вывозить раненых.



Карта боевых действий чиндитов в 1944 г.



К 27 апреля и 60-я, и 88-я колонны достигли Мококчанга. В течение следующих двенадцати дней, причём 60-я колонна шла впереди, они поэтапно продвигались к Пхакекедзومه, которая, как было известно, находилась под контролем японцев. В Баимхо/Vaimho, 30 апреля, к 60-й колонне присоединился майор Ховард Уильямс (Howard Williams, 1897-1958, на фото слева), ранее служивший в индийской полиции и действовавший на этих холмах в составе Боевой Группы V/V Force (*британское формирование, созданное для разведывательной и диверсионной деятельности в тылу японцев – ВК*). Он прекрасно знал местность и умел общаться с местным населением. Несмотря на то, что его мучила дизентерия, до самого окончания операции он оставался настоящим сгустком неутомимой энергии и изобретательности: добывал проводников, носильщиков и переводчиков в местности, где диалекты постоянно

менялись. Языки, на которых говорили те, кто жил на Нагских холмах, были настолько разнообразны, что было совершенно обычным делом, когда деревни, расположенные всего в двенадцати милях друг от друга, говорили на разных языках. Казалось, не было предела искусству Уильямса обеспечивать артиллерийскую, а позднее и Эссекскую колонны переводчиками.

По плану бригады артиллерийские колонны не должны были вступать в бой с противником в Пхакекедзومه. Они должны были обойти её и создать опорный пункт значительно восточнее. Для этого им пришлось покинуть сравнительно пологие участки проходимой для джибов дороги и перейти на крутые горные тропы, ведущие через горы высотой от 4000 до 6000 футов (примерно 1200–1800 м). В Кивику/Kiwiku 60-я Колонна 7 мая, а 88-я — 10 мая оставили своих мулов. Следующие пять недель рации, миномёты, пулемёты и медицинское имущество переносили на себе нагские носильщики. Реалии войны на Нагских холмах теперь предстали перед ними во всей полноте.

Когда Ланселот Пероун разрабатывал план второй фазы операции — устройство засад на линиях коммуникаций противника, — он понимал, что поставленная перед артиллеристами задача была колоссальной. Уингейт привык доводить своих людей до предела их физических возможностей, однако даже он понимал, что существует то, что он называл «пределом осуществимости». Пероун считал, что его план находится как раз в пределах этого допустимого уровня, но едва-едва. Он верил, что если кто-нибудь и способен выполнить такую задачу, то это *Майк* дю Валлон. Капрал-шифровщик 88-й Колонны записал в 1945 году: «Когда на следующее утро мы отправлялись в Кивику, было множество рукопожатий и прощаний. Нас осталось чуть больше 300 человек, а мулов заменили нагские носильщики. Мы двинулись по тропе шириной не более ярда, с густыми джунглями по обе стороны, причём склон был почти отвесным. За полчаса пути мы спустились на 1500 футов, и когда остановились у подножия горы, прошло ещё полчаса, прежде чем мои ноги перестали дрожать! Напряжение, которому подвергались лодыжки и колени при попытках удержать равновесие, было чудовищным. Позже мы узнали, что самым лёгким и удобным способом спускаться по таким крутым склонам было бежать вниз короткими шагами. Затем нам пришлось преодолеть подъём на 2000 футов к деревне Техенфем/Tehehfemi, которая должна была стать нашим убежищем на ночь. Теперь я узнал, что подъём по самым крутым склонам был столь же тяжёлым и мучительным, как и спуск. Я никогда не мог решить, что хуже — идти вверх или вниз, хотя позднее, после многих дней таких переходов, небольшое предпочтение я всё-таки отдавал подъёмам: по крайней мере, при подъёме можно было не так сильно бояться потерять опору».

Целью проникновения в эту столь негостеприимную местность было создание опорного пункта в районе Мелури/Meluri, неподалёку от троп, ведущих из Ханджанга/Hamjang и Акхегво/Akhegwo к Пхакекедзومه. Отличное место нашли в долине примерно в двух милях к югу от Мелури, где ручей делал широкий изгиб в форме подковы, создавая водную преграду почти по всем направлениям. Джунгли здесь были настолько густыми, что практически полностью скрывали местность от воздушного наблюдения. К 13 мая 60-я Колонна уже обосновалась здесь, и обе колонны получили сброшенные с воздуха запасы и другое имущество для обустройства позиции. 14 мая прибыла 88-я Колонна, и началась работа по строительству опорного пункта, получившего название *Грумсби/Grimsby*. Тем временем около 100 нагцев были заняты расчисткой участка в долине размером примерно 300 на 30 ярдов под посадочную площадку для лёгких самолётов. Эссексский полк и *Дюки* были бы поражены, узнав, что в этих горах вообще нашлось место, где можно было соорудить такую посадочную площадку. 15 мая три лёгких самолёта приземлились и через час снова взлетели без каких-либо происшествий.

Разочаровывало лишь то, что тропы, на которых 60-я и 88-я колонны собирались устраивать засады, японцы не использовали, однако было известно, что Джессами и Ханджан по-прежнему заняты противником. Дю Валлон разработал смелый план: одновременно атаковать оба населённых пункта. Джессами должна была быть атакована тремя взводами 60-й Колонны, а Ханджан — разведывательным взводом 88-й Колонны совместно с разведывательным взводом 60-й. Оба пункта были атакованы 18 мая в 06.00, после тяжёлых ночных маршей по чрезвычайно труднопроходимой местности. В Джессами потери противника составили: 16 убитых, 5 раненых, 2 взятых в плен — впоследствии они

умерли от ран. Мы потеряли одного раненого. После этого 60-я Колонна заняла старые позиции, которые несколькими неделями ранее занимал батальон Ассамского/Assam Полка. Действия у Ханджана оказались не менее успешными. Был убит один офицер и 14 рядовых противника, тогда как с нашей стороны лишь один человек был легко ранен — гуркха, находившийся в пяти ярдах от лейтенанта Глоу (Glow). В обоих населённых пунктах было обнаружено огромное количество карт и документов, которые затем вывезли лёгкими самолётами с аэродрома в Гримсби.

Дю Валлон задействовал три взвода 60-й Колонны в бою за Джессами. Позднее в письме бригадире он охарактеризовал эту чрезвычайно успешную операцию как «величайшее везение из всех, какое только бывало». Как бы то ни было, в тот день было совершено немало отважных поступков. Майор Л. Г. Уокер (L.G. Walker), командовавший тремя взводами и с исключительным мастерством руководивший боем, был представлен к *Военному Кресту/Military Cross*, однако в итоге ему пришлось довольствоваться лишь упоминанием в донесениях. По его мнению, на самом деле бой выиграл один из командиров взводов — лейтенант Мэттьюс (Matthews), причём он был самым неожиданным кандидатом на получение *Военного Креста*. Высокий, худой, нескладный, в очках, он производил впечатление типичного канцелярского служащего. Как он вообще оказался участником операции чиндитов на Нагских холмах — загадка, поскольку он страдал лёгким заболеванием сердца и ему было предписано избегать любых интенсивных физических нагрузок. Скорее всего, он недолго прожил после этого, поэтому вряд ли успел долго наслаждаться своей наградой.

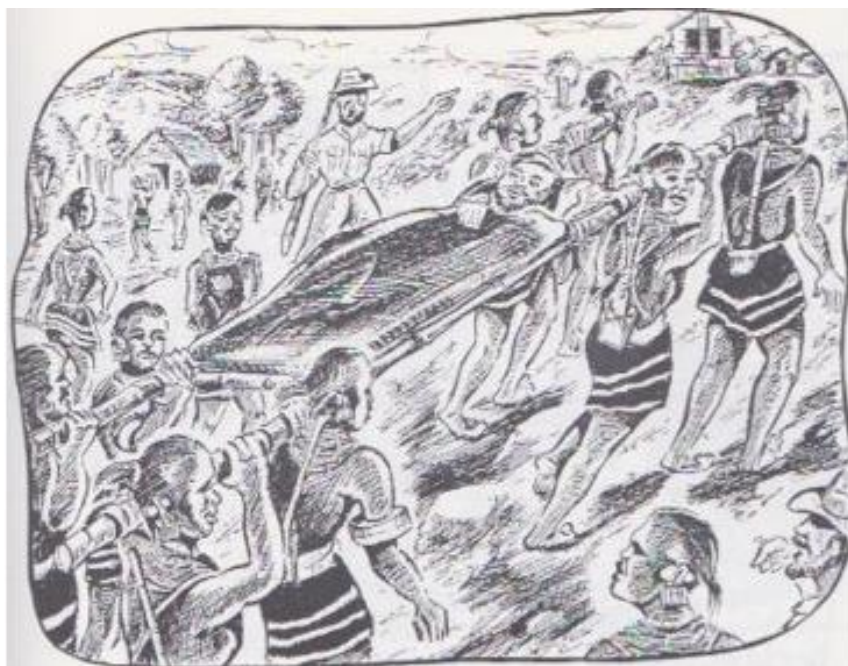
Посадочная площадка для лёгких самолётов в *Гримсби* использовалась не только для эвакуации раненых и вывоза ценных захваченных документов противника. С неё Дю Валлон и Хотчкин могли также совершать воздушную разведку местности к югу — той самой территории, где им впоследствии предстояло действовать уже с тремя колоннами. Для всех остальных командиров колонн 23-й Бригады такая роскошь показалась бы совершенно невозможной. Первый опорный пункт артиллерийских колонн получил название *Гримсби*, поскольку большинство военнослужащих первоначального 60-го Полевого Артиллерийского Полка происходили из Хамберсайда/Humberdside (в прошлом графство в Англии, порт Гримсби находится в эстуарии реки Хамбер – ВК).



*Чиндит из 23-й Бригады с полной выкладкой. Рисунок сержанта Артура Сэмпсона  
(Arthur Sampson)*

Теперь, когда Джессами и Ханджан были очищены от противника, стало необходимо создать второй опорный пункт — получивший название *Гримсби II* — ближе к тропам, которые, как было известно, использовали японцы, направляясь к Харасому. Воздушная разведка показала, что наиболее подходящим местом является Нунгпхунг/Nunphung. Здесь сходились четыре тропы: одна с севера, одна с востока и две с юга — причём все они подходили к деревне по крутым склонам. Примерно в двух милях к северу, в долине, было найдено подходящее место — пункт 2207, — где можно было построить посадочную площадку. 24 мая взвод коммандо 60-й Колонны начал её строительство, а 25 мая туда переместились штаб 60-й Колонны и два взвода. 80-я колонна заняла Нунгпхунг. После того как 18 мая деревня Джессами была занята, патрули, двигавшиеся на юг, установили, что примерно в миле к югу от нее окопалась крупная группа японцев. К 23 мая её численность оценивалась примерно в одну роту, и два наших взвода предприняли разведку боем. Он продолжался два часа, по оценкам, 14 японцев были убиты или ранены, при этом британцы потеряли пятерых человек ранеными. 26 мая японские позиции подверглись атакам *Харрибомберов*, а 28 мая патрули установили, что противник покинул свои позиции.

Стало очевидно, что опорный пункт *Гримсби II* в Нунгпхунге является значительно более уязвимым, чем первый *Гримсби*. В шести милях к югу, в Харасоме, по данным, доставленным нагской разведкой, находилось около 400 японцев, а ещё примерно 70 — в Харасом-Куки, севернее. Примерно в четверти мили к западу от деревни были сооружены мощные оборонительные позиции с периметром около 600 ярдов. На рассвете и в сумерках наши силы приводились в состояние *stand-to* — полной боевой готовности. После 19.30 запрещалось зажигать огни, а после наступления темноты разговаривать можно было только шёпотом. Всем военнослужащим было приказано быть готовыми отразить нападение врага в течение 30 секунд после сигнала тревоги. В 04.35 31 мая капрал-шифровальщик 88-й Колонны записал: «В 04.30 мы заняли свои позиции для утреннего *stand-to* — было холодно, и мы ещё не совсем проснулись. Через пять минут шквал винтовочного огня и очереди *Брен*ов на восточном участке совершенно недвусмысленно вывели нас из сонного состояния. Стрельба продолжалась урывками около получаса, а затем внезапная продолжительная очередь возвестила о том, что противник, должно быть, предпринял очень решительную атаку, поскольку восточная часть нашего периметра была отеснена почти до места, где находилась моя позиция на юго-западной стороне. Позже мне сказали, что поспешное отступление взвода, вступившего в бой с противником, было вызвано чрезвычайно яростной и мощной атакой японцев с применением штыков. Но хотя наши люди были отброшены назад, они удержали оборону, и сильный огонь с их стороны заставил японцев, в свою очередь, отступить, после чего бой постепенно стих. Взвод, высланный, чтобы атаковать противника с фланга, не обнаружил никаких следов японцев. В 07.30 мы отменили боевую готовность и стали оценивать обстановку». На поле боя были обнаружены тела четырёх погибших японцев. С британской стороны погибли три сержанта, и один офицер получил тяжёлое ранение. Для боя, который с перерывами продолжался около двух часов, это считалось не слишком высокой ценой. Считалось, что японская группа насчитывала ненамного больше взвода — возможно, около 30 человек. На тот момент гарнизон *Гримсби II* насчитывал 400 человек, поскольку строительство опорного пункта только началось и лишь один взвод был выдвинут для действий наступательного характера. Капрал-шифровальщик 88-й колонны писал: «В каком-то смысле нам повезло, что атака произошла именно тогда, когда произошла, поскольку гарнизон *Гримсби II* практически находился в полном составе».



*Эвакуация раненых носильщиками народности нага...*

В течение последующих трёх недель, когда пехотные взводы использовались для наступательных действий, бывали моменты, когда в самом опорном пункте оставалось менее 100 человек. Такой небольшой гарнизон вполне мог оказаться в крайне тяжёлом положении, если бы японцы предприняли действительно решительный штурм. Однако больше японцы не предпринимали попыток выбить 60-ю и 80-ю колонны из *Гримсби II*. Вероятнее всего, причиной этого стала дезинформация, которую нагская разведка передавала японцам относительно численности гарнизона. Им сообщили, что в опорном пункте находятся два батальона, хотя на самом деле там было немногим больше половины одного батальона. Кроме того, был распространён совершенно ложный слух о том, что со стороны Мококчанга наступает целая дивизия. Преувеличенное представление о размерах гарнизона подкреплялось частотой сбрасывания грузов. Грузы доставлялись сюда каждые три дня вместо пяти, причём вместо трёх самолётов использовалось пять. Сначала огромными партиями сбрасывались колючая проволока, боеприпасы и взрывчатка для устройства ловушек. Затем поступали крайне необходимые свежие комплекты обмундирования. Наконец, обычный *К*-рацион был дополнен более объёмным и питательным «пайком для опорного пункта» (*stronghold ration*). Все эти сбросы прекрасно просматривались японцами, находившимися в Харасоме и на дорогах к западу от нас.

К первой неделе июня японскому командующему Сато (*Kōtoku Satō*, 1893–1959) стало ясно, что его наступление на Кохиму провалилось. 10 июня был отдан приказ об отходе. У него не было возможности позволить себе дорогостоящие атаки на гарнизон, который выглядел многочисленным, хорошо укреплённым и прекрасно защищённым. Вместо этого он позаботился о том, чтобы тропы, по которым японцы собирались отступить, были настолько хорошо прикрыты, что попытка устроить на них засады стала бы для военнослужащих 23-й Бригады невыполнимой задачей. После шести недель непрерывных переходов по горным джунглям, с тяжелейшими рюкзаками за плечами, по местности, где до них почти никогда не бывали белые люди — и даже если бывали, то лишь с носильщиками, тащившими всё их снаряжение, — военнослужащие 60-й и 88-й колонн наконец получили возможность немного отдохнуть и оценить своё состояние. «Выглядели мы далеко не привлекательно, — писал капрал-шифровальщик. — Знаков различия по званию мы не носили, не имели при себе ни расчётных книжек, ни удостоверений личности, а офицеры и солдаты выглядели совершенно одинаково — словно все были головорезами. На обозрение были выставлены бороды самых разных цветов и длины: некоторые

роскошные, некоторые лохматые, а у одного-двух борода почему-то росла исключительно на кончике подбородка. Моя собственная, заметно рыжая, относилась ко второй разновидности, и сколько бы я её ни расчёсывал, она всегда оставалась просто «зарослью», а не «украшением». В одном отношении наша одежда была одинаковой — все носили тёмно-зелёное. У некоторых брюки были небрежно обрезаны до шорт — правда, эта практика не пользовалась большой популярностью из-за колючего подлеска. Некоторые вообще обходились без рубашек и носили только хлопчатобумажные майки, которые после дневного перехода под проливным дождём высыхали гораздо быстрее рубашек. На головах были панамы самых разных форм, надетые под всевозможными углами — все они были сильно помяты после того, как использовались в качестве подушек и «раздувателей огня»».

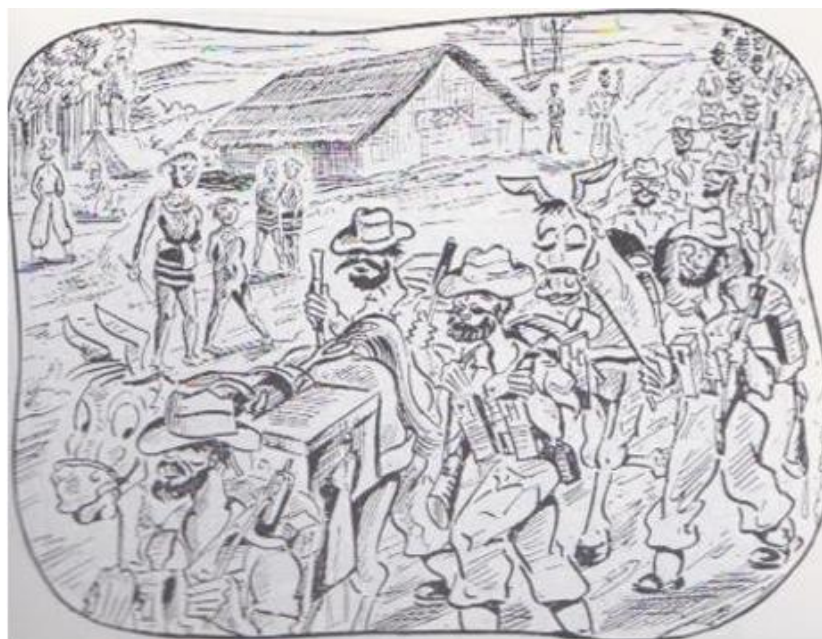
Замысел Уингейта относительно опорных пунктов — «Обратитесь к твердыне, вы, узники надежды» — (цитата из Библии, а именно из Книги пророка Захарии, глава 9, стих 12 – ВК) заключался в том, что он должен одновременно быть хорошо защищённым гарнизоном и плацдармом, откуда можно было бы предпринимать наступательные действия против японцев. Майк дю Валлон никогда не забывал о своей главной задаче — нарушать коммуникации противника. Отряд, отправлявшийся из *Гримсби II* для устройства засады, обычно должен был отсутствовать до пяти дней: два дня — чтобы добраться до района засады, один день — действовать там, два дня — вернуться обратно. Каждый день перехода неизбежно включал крутой спуск на 2000–4000 футов (примерно 600–1200 м) и такой же подъём. Нередко эти задачи выполнялись под проливным дождём, а иногда близость противника не позволяла разводить огонь, чтобы приготовить горячий напиток. Чаще всего, страдая от *Нагского кишечного расстройства*, люди возвращались в опорный пункт промокшими до нитки и совершенно изнурёнными, после чего старались как можно лучше восстановиться. Теперь все колонны начали замечать, что полное восстановление после крайнего физического истощения занимает всё больше времени. Запасы сил постепенно таяли под воздействием болезней, скудного питания, постоянной сырости и маршей по крутым склонам. Тем не менее некоторые группы, устраивавшие засады, совершали поистине грандиозные переходы и успешно проводили пусть небольшие, но эффективные засады.



Чиндиты 23-й Бригады на отдыхе...

26 мая капитан Питер Райт (Peter Wright), Королевская артиллерия, вышел с двумя взводами для устройства засады на дороге Харасом—Чакьянг. 28 мая он сообщил, что в результате засады было убито 12 японцев, при этом его люди потерь не понесли. 4 июня капитан Райт снова отправился в джунгли с двумя взводами, чтобы устроить засаду на маршруте Чакьянг—Конгай. 7 июня он сообщил о четырёх убитых и двух раненых японцах, не потеряв ни одного человека. 1 июня капитан Томас (Thomas) с 16-м Взводом покинул опорный пункт для устройства засады на дороге Газипхема—Харасом, но обнаружил, что эта дорога, как и маршрут Харасом—Джессами, слишком хорошо охранялась для организации засады. 3 июня разведывательный взвод 88-й Колонны вернулся после долгого и изнурительного перехода в район Чаллао/Challao и обратно. Они убили четырёх японцев. И это лишь несколько примеров из множества патрулей, которые отправлялись в джунгли из *Гримсби II*, чтобы беспокоить и изматывать противника.

Жизнь на опорном пункте тоже не была лишена проблем. «Нас держали, — писал капрал-шифровальщик, — в состоянии постоянного нервного напряжения из-за непрерывного ожидания новых атак и целой серии *тревог* и *вылазок*, причём все они происходили по ночам. В различных местах по периметру, на колючей проволоке, были установлены сигнальные ракеты, которые срабатывали при любом соприкосновении с проволокой. Разные цвета ракет показывали, к какому именно участку периметра приближался нарушитель. Несколько раз среди ночи срабатывала та или иная ракета, и всякий раз выяснялось, что причиной был какой-нибудь скот из местной деревни. Конечно, каждая такая тревога означала, что весь гарнизон занимал боевые позиции, и в джунгли отправлялся патруль выяснить, настоящая это тревога или ложная. Постоянно нарушаемый ночной сон совершенно не шёл нам на пользу. Плохо действовали на нервы и случайные выстрелы, которые время от времени раздавались в самом гарнизоне. К концу пребывания на опорном пункте *Гримсби II* даже самый незначительный необычный звук заставлял каждого мгновенно хвататься за винтовку. Отношения между людьми стали напряжёнными, и замечания, которые в обычной ситуации были бы восприняты как шутки, воспринимались как агрессия».



*32-я Колонна уходит из Гримсби II в направлении Укхрула/Ukhrul*

Три взвода 60-й колонны, которые выбили японцев из Джессами, остались там. При поддержке разведывательного взвода из *Гримсби II* 10 июня они атаковали крупные силы противника у Харасом-Куки, но безуспешно. Потери японцев остались неизвестными. С нашей стороны один человек был убит и восемь ранены, включая всё того же высокого,

долговязого, очкастого и весьма неожиданного героя — лейтенанта Мэттьюса, который, по-видимому, по-прежнему не испытывал особых проблем из-за своего хронического заболевания сердца. Однако 14 июня двенадцать *Харрибомберов* подвергли японские позиции бомбардировке и пулемётному обстрелу. За этим с восторгом наблюдали люди с *Гримсби II*. После налёта противник отступил к Харасому. Теперь стало совершенно ясно: японцы двигались от Кохимы, а не к ней. Началось отступление.

13 июня *Майк* дю Валлон и Говард Уильямс отправились встретиться с бригадиром в Пхакекедзومه. 15 июня они вернулись в *Гримсби II* с приказами на заключительный этап операции — преследовать противника до Ухрула и далее. Все патрули были отозваны. 19 июня к своим колоннам вновь присоединились батальонные мулы и их погонщики. Было совершенно очевидно, что следующие несколько недель станут для колонн предельным испытанием на выносливость. 22 июня из *Гримсби II* были эвакуированы один офицер и 47 рядовых, признанные слишком обессиленными, чтобы выдержать предстоящие испытания. Что касается остальных, то лишь немногие были совершенно здоровы. Но они ещё не представляли себе в полной мере, что именно их ждёт впереди, и потому без особого беспокойства или уныния готовились покинуть Нунгпхунг и отправиться в свой долгий марш ...

<https://burmastarmemorial.org/archive/stories/1405892-60-and-80-column-chindits-1944-thomas-joesbury?q=>

## ГОРДОН ХЬЮЗ (GORDON HUGHES)

Много лет подряд, каждый март, я неизменно вспоминал Хэрри Спэрроу (Harry Sparrow), Джорджа Бритнелла (George Britnell) и Фрэнка Вуда (Frank Wood). Они были среди первых погибших в засаде и последовавшим за ней бою на дороге Индав/Indaw—Банмаук в Северной Бирме. Это было 20 января 1944 года, когда мы покинули Ледо/Ledo и отправились в тот невероятно тяжёлый марш через Паткайские/Patkaï холмы, а затем к Махнтону/Mahnton. Это был самый кровопролитный марш всей моей войны. Нам потребовалось три недели, чтобы добраться до реки Чиндуин, причём значительную часть пути мы проходили в среднем всего по две мили в день. Долины, где жара и влажность были невыносимыми, сменялись вершинами высотой до 8000 футов, где ночная температура лишь немного превышала точку замерзания, и мы жались друг к другу, пытаясь согреться. Неделями шли непрерывные дожди, а вместе с ними земля превращалась в грязь. Пиявки незаметно присасывались к конечностям, уже искусанным комарами. Мулы падали на крутых, скользких склонах, и повсюду были густые джунгли с твёрдолиственными деревьями, переплетённые зарослями бамбука — настолько густыми и практически непроходимыми, что пробираться через них можно было только прорубая путь с помощью *кукри* или *дао*. Фраза Уингейта «Ганнибал превзойдён» была его признанием, прозвучавшим в адрес людей 16-й Бригады, дошедших до Чиндуина. Однако, вероятно, гораздо точнее здесь подошло бы описание стрелка Харриса (стрелок Харрис - Rifleman Harris — это один из ключевых второстепенных персонажей из знаменитой серии романов *Бернарда Корнуэлла* о *Ричарде Шарпе* и их *экранизации* - ВК) ужасного *марша Мура на Корунью*: «Они, промокшие от дождя, измученные холодом и голодом, не знавшие, когда прекратятся их мучения, тысячи красных мундиров с трудом поднимались по мучительному склону Монте-дель-Кабейро, оставляя за собой след из умирающих людей, лошадей и мулов»... Мы значительно отставали от графика, и [бригадир] Фергюссон (Bernard Fergusson, 1911-1980) подгонял нас, требуя как можно скорее добраться до района предстоящих боевых действий. От Чиндуина до Махнтон мы увеличили темп марша до 25 миль в день, неся 80-фунтовые вьюки, и питаясь превосходными, но однообразными *K*-рационами, которые периодически сбрасывали самолёты *C-47 Дакота*.



*Офицеры стрелковой роты 22-й Колонны, 2-й Батальон Полка Королевы/Queen's Regiment. Лейтенант Гордон Хьюз в центре*

Прибыв в Махнтон, мы немедленно принялись за работу и превратили эту небольшую деревню на реке Меца/Meza в опорный пункт, получивший кодовое название *Абердин/Aberdeen*. Мы также предоставили рабочую силу для удаления подпорных стенок/bunds, окружавших плоские рисовые поля, чтобы подготовить посадочную площадку для прибывающих планеров, которые должны были доставить землеройную технику. Именно это оборудование было необходимо нашим сапёрам для строительства более постоянного аэродрома, рассчитанного на самолёты C-47. Кому могло прийти в голову осуществить столь смелое предприятие — примерно в 300 милях за линией фронта противника, буквально в нескольких шагах от его гарнизонов? Поэтому неудивительно, что после изнурительного марша и тяжёлой работы по подготовке площадки для планеров мы были практически полностью истощены и рассчитывали, что нам наконец дадут немного отдохнуть и восстановить силы. Но этого не произошло. Уингейт приказал бригаде немедленно двигаться на Индав, чтобы предпринять атаковать местный гарнизон и отбить у него аэродром. Кроме того, 22-й колонне предстояло выйти к дороге на Банмаук и лишить противника возможности использовать её как маршрут снабжения северного фронта, прикрывавшего Импахал и Кохиму. Это означало, что стрелки *Королевы* должны были разделиться: одна колонна — 21-я — направлялась к Индав, а другая — 22-я — к дороге на Банмаук.

Мы, 22-я колонна, двинулись на юг. Примерно в десяти милях к северу от намеченного района засады мы оставили свою тыловую группу — штаб — в безопасном месте в джунглях, куда должны были вернуться после завершения операции на дороге. Теперь боевой состав колонны быстро двинулся к 20-й миле, поскольку после изучения карты мы решили, что это место идеально подходит для нашей цели. Дорога шла параллельно реке. По горизонталям на карте можно было различить несколько ложбин, начинавшихся на возвышенности к северу и спускавшихся к дороге, где она делала U-образный изгиб, превращая это место в идеальный участок для засады. По прибытии к отметке *20-я миль* разведка на местности подтвердила наши выводы по карте, причём участок оказался даже лучше, чем мы ожидали. Наш план заключался в том, чтобы расположить вдоль дороги два взвода, которые могли бы обрушить лавину огня на любой проходящий вражеский конвой. На каждом фланге позиции мы должны были разместить по огнёмёту *Lifebuoy* и пулемёту *Vickers*, ведущему огонь вдоль дороги, чтобы полностью замкнуть засаду.

Единственный возможный путь отхода противника лежал на юг, но там находился крутой каменистый склон, заканчивавшийся у реки.



*Линия фронта и расположение британских и японских сил в декабре 1944 года*

Крупные конвои передвигались только ночью, поэтому днём мы скрывались на возвышенности над ложбиной. Это был тиковый лес. Хотя на первый взгляд он казался довольно открытым, редкий подлесок всё же ограничивал видимость примерно двадцатью ярдами. Крайне важно было, чтобы нас не обнаружили, поскольку любое движение могло привести к передаче противником информации об этом — либо в Индав, либо в Банмаук, — и тогда весь эффект внезапности был бы потерян. Саму позицию для засады мы занимали только с наступлением сумерек.

Примерно в 03.00 третьей ночи мы услышали гул приближавшегося с востока крупного конвоя, и вдруг, совершенно неожиданно, грузовики с солдатами оказались прямо среди нас. Выпущенное огнём пламя и сухая, отрывистая дробь первого пулемёта, подожгли головной грузовик, положив начало бою. Затем, словно не желая уступать первенство, второй огнём и второй пулемёт окончательно захлопнули ловушку. Вскоре вокруг разверзся настоящий ад. Отдельные бойцы открыли огонь по японцам, пытавшимся бежать, десятки гранат полетели в эту мешанину. Неразборчивые крики японских офицеров, пытавшихся собрать и организовать своих людей, смешивались с жалобными стонами раненых. Затем последовала контратака японцев. Они пытались прорваться внутрь наших позиций, но их останавливал винтовочный огонь, при этом боестолкновение переходило в рукопашные схватки. Стоял оглушительный грохот: непрерывно трещали

автоматы и пулеметы, с этим смешивался вой огнеметов, и то тут, то там раздавались хлопки гранат №36, за которыми следовали взрывы. Казалось, бой не закончится никогда, но на самом деле всё было кончено примерно за 15 минут. После этого наступила зловещая тишина, нарушаемая лишь стонами умирающих. Согласно предварительной договорённости, мы оставались неподвижными на своих огневых позициях до рассвета, поле чего отошли на заранее подготовленные оборонительные позиции, чтобы оценить ситуацию.

Стало ясно, что засада полностью удалась. Потери японцев были тяжелыми, с нашей стороны погибли всего один офицер и двое солдат, ещё несколько человек получили лёгкие ранения. Было бы благоразумно как можно скорее покинуть место засады и воссоединиться с нашим штабом тыловой колонны в пункте сбора, примерно в десяти милях к северу, но, прежде чем уйти, нам нужно было раздобыть воду, похоронить погибших и установить радиосвязь с бригадой. Мне поручили спуститься к месту засады, набрать воды для колонны и уничтожить все машины, которые избежали повреждений. Картина, открывшаяся на месте засады, была потрясающей. В каждом грузовике находилась бочка с бензином, которая взорвалась или загорелась. Вдоль дороги, среди обломков, в самых причудливых позах лежали тела погибших японцев. Некоторые из тех, кто пытался прорваться к нашим позициям, были скошены ружейно-пулеметным огнём. Другие, пытаясь добраться до берега реки, попадали под разрывы гранат. Те, кому всё же удалось туда добраться, падали в воду и тонули. Никаких признаков жизни не было видно, и если кто-то из японцев уцелел, то, должно быть, отполз в густой подлесок, чтобы зализать свои раны. Тем не менее, зная нашего противника, мы приняли меры предосторожности, чтобы избежать неожиданных неприятностей. Тем временем фляги и *чагулы* — большие ёмкости для переноски воды — были поспешно наполнены, и мы вернулись к колонне, где приказ на отход уже был отдан.

Как только передовой взвод начал движение, мы попали под сильный огонь стрелкового оружия и миномётов. Оказалось, что засада, вопреки нашему убеждению, не была полностью замкнута. Мы не знали, что один из грузовиков, отставший далеко от основной части конвоя, развернулся и направился обратно к гарнизону в Индав, чтобы поднять тревогу. Контратаку предприняли свежие подразделения из Индав, и, в соответствии с японской тактикой, первая атака была проведена в лоб. Они бросились на нас, крича, словно стадо павианов, но наш огонь заставил их отступить. Снова и снова они повторяли эти фронтальные атаки, и их потери росли. Иногда им удавалось просочиться на наши позиции, но их оттуда выбивали штыками — при этом сержант-майор Чёрч (Church) продемонстрировал настоящее мастерство штыкового боя! Позднее противник изменил тактику и начал атаковать нас из ложбины на нашем левом фланге. К счастью, мы предусмотрели такой вариант и отбили атаку шквалом гранат, выпущенных из ружейных гранатомётных стаканов, а также огнём *Бренов*, ведшимся во фланг наступающим. Разъярённые японцы отступили, чтобы перегруппироваться. В этот момент по нашей переносной радиостанции поступил приказ рассредоточиться, и мы растворились в густом тиковом лесу. Колонна понесла ещё кое-какие потери. Среди раненых я помню Поттера (Potter), которому пуля попала в живот. Его внутренности выступали наружу через рану, и кровотечение было сильным. Всё, что мы могли сделать, — закрыть рану большой индивидуальной повязкой и туго забинтовать её. Поттер не жаловался, но ему, должно быть, было невероятно больно, когда он, раненый, тряся из стороны в сторону на пони, приспособленном для перевозки раненых.

После тяжёлого марша мы вновь присоединились к нашей тыловой колонне. Уже стемнело, и нас встретили горячим чаем и превосходной армейской *бургу* из сухарей и печенья, приправленной солониной из неизбежного *K*-рациона. Возможность отдохнуть на надёжно охраняемом биваке, не выставляя собственных часовых, была настоящей роскошью, и мы воспользовались ею в полной мере. Бедняга Поттер этого не пережил. Его вместе с

другими ранеными доставили на опорный пункт *Абердин*, а после двухдневного ожидания отправили самолётом в Индию. Он умер на операционном столе.

<https://burmastarmemorial.org/archive/stories/1405905-chindit-ambush-at-milestone-20-gordon-hughes?q=>

## ХЬЮ ПЕТТИГРЮ (HUGH RUDOLPH CONWAY PETTIGREW, 1912–2001)



*Полковник Х. Р. К. Петтигрю был GSO1 (начальником оперативного штаба дивизии) при генерале «Панче» Кауэне (David Tennant Cowan, 1896-1983) и дважды был награждён медалью Burma Star. Его письменные и устные воспоминания хранятся в Национальном армейском музее, а мемуары о службе в Индийской армии, включая его пребывание в Бирме с 1932 по 1947 год, были опубликованы его сыновьями под названием It Seemed Very Ordinary/Всё Казалось Вполне Обычным.*

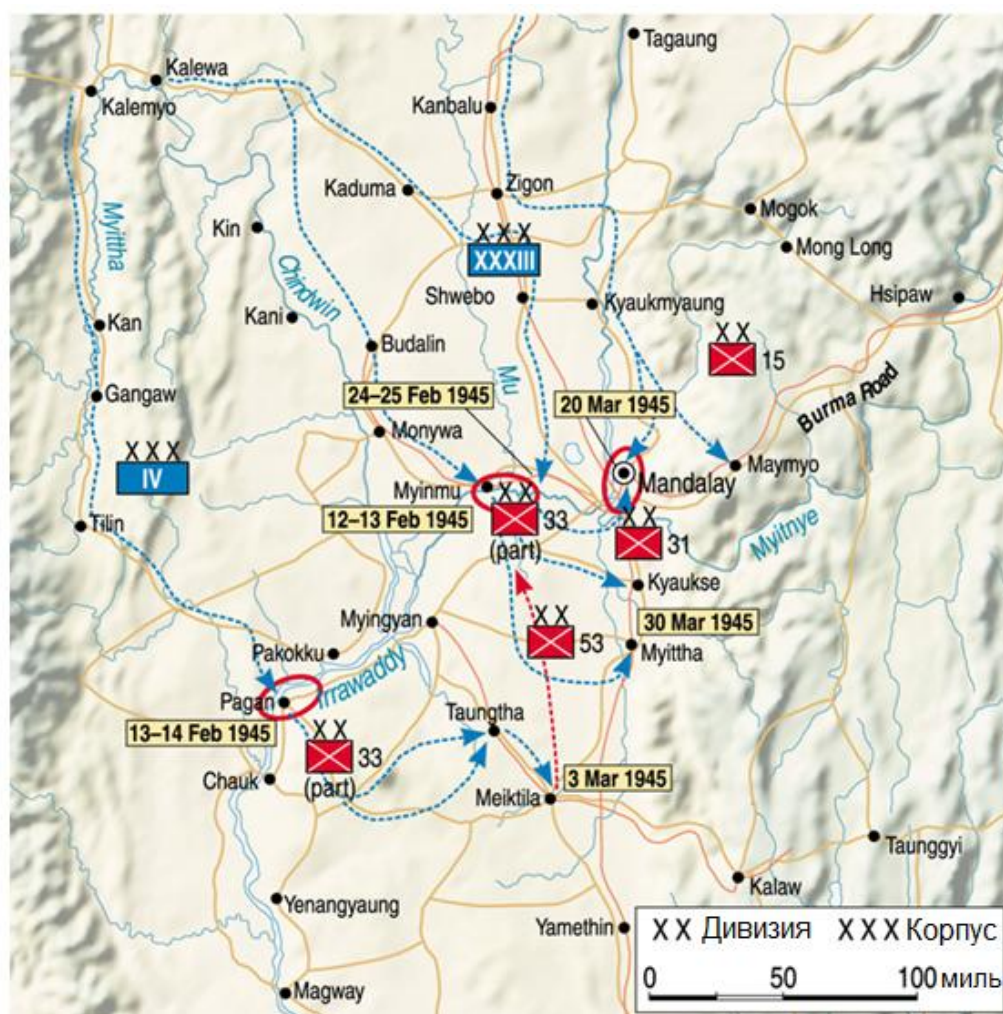
Моё время, проведённое с генералом Панчем Кауэном и 17-й Дивизией, будет нелегко описывать, поскольку впоследствии наши отношения довольно сильно испортились. Но это станет ясно в дальнейшем, и эта глава — или следующая — должна к этому подвести. Довольно долго всё складывалось очень

хорошо, хотя Рождество было для меня не самым удачным временем для прибытия. Естественно и вполне справедливо, все отдыхали и развлекались: устраивались дивизионные концерты и тому подобное. А я скучал по семье и хотел поскорее приступить к работе. В первый же день Кауэн вызвал меня в свой рабочий кабинет, устроенный в караване, и мы очень тепло и дружески поговорили, поскольку я, конечно, знал его ещё по своему году службы в должности бригадного майора. Он сказал, что рад моему назначению, что, собственно говоря, сам попросил направить меня к нему на должность G1 (начальником оперативного отдела штаба), и был уверен, что мы хорошо сработаемся. Он даже упомянул, что я почти наверняка со временем получу *Орден За Отличие в Службе*, — по мере развития предстоящей кампании в Бирме - и что в конце концов могу получить под своё командование бригаду. Всё звучало превосходно. Он был — и, уверен, остаётся и сейчас — чрезвычайно приятным человеком, и мы прекрасно ладили.

До того момента, когда Кауэн, Димолайн (Harry Dimoline, 1903-1973) — бригадир Королевской артиллерии — и я должны были вылететь из Ранчи/Ranchi в штаб 14-й Армии генерала Слива в долине Гангав/Gangaw в Западной Бирме, оставалось едва десять дней. Поэтому я мог лишь познакомиться с как можно большим количеством людей, включая довольно многочисленный собственный штаб, и провести для штаба дивизии и батальона охраны штаба дивизии несколько учений. Целью этих учений было отработать установленный порядок действий и схему размещения подразделений на ночной стоянке с учётом вполне реальной возможности японской атаки — по крайней мере, проникновения небольших групп противника, — а также обычных для японцев ночных «рейдов, наводящих нервную дрожь». Я тщательно разработал план ночной стоянки, чтобы каждый водитель и каждый экипаж точно знал, куда ему следует поставить свою машину и т. д. Позднее, уже в Бирме, этот план работал очень хорошо.

Я был особенно рад тому, что нашим Охранным Батальоном (штаба)/Defense Battalion был батальон Приграничных Стрелков/Frontier Force Rifles, которым командовал Оливер (Oliver) — человек, место которого я занял в скаутской службе в 1937 году. Вся та часть моей жизни, связанная с Вазиристаном, казалась теперь далёким прошлым. Наш перелёт

в долину Гангав занял несколько часов и оказался самым роскошным воздушным путешествием в моей жизни. Мы летели на небольшом самолёте ВВС, кажется, это был *Beechcraft*. Цель поездки заключалась в том, чтобы обсудить и спланировать нашу будущую роль в наступлении в Бирме — сначала с [генералом Слимом](#) (William Slim) и его штабом, а затем более подробно в штабе 4-го Корпуса. Дивизия должна была проследовать по суше и примерно за две недели сосредоточиться на равнине Манипура, южнее Импахала. Гангав находится примерно в семидесяти милях южнее Калевы/Kalewa, и мы приземлились на пыльной взлётно-посадочной полосе, которую в спешке расчистили бульдозерами прямо в джунглях. Из Ранчи мы вылетели чистенькими и аккуратно одетыми, но к тому времени, когда джип доставил нас в штаб Слима, мы были совершенно покрыты пылью. Я не мог удержаться от смеха, глядя на Димолайна, который был чрезвычайно щеголеватым человеком и всегда очень внимательно следил за своим внешним видом.



*Схема боевых действий в Центральной Бирме – март-февраль 1945 года. Синие стрелки – оси атак британско-индийских войск, красные – контрудары японцев, сплошные красные границы – участки обороны японцев*

Я должен прояснить одну вещь. То, что я сейчас пишу, — не стратегическое и не тактическое описание нашей кампании в Бирме в 1945 году. Об этом можно прочитать в официальных исторических трудах. Мой рассказ носит исключительно личный характер и включает немало вещей, которые, насколько мне известно, не вошли ни в одну книгу. Это скорее описание фона, атмосферы — того, что происходило на самом деле. Но для понимания событий необходимо хотя бы немного знать об общем плане. 7-я Индийская Дивизия должна была сосредоточиться в Пакокке где-то в конце февраля, когда мы будем

готовы создать плацдарм на восточном — японском — берегу Иравади. Тем временем мы должны были превратить нашу дивизию, за исключением одной бригады, в полностью моторизованное соединение в Ухруле, а затем скрытно перебросить её на юг, к плацдарму у Пакокку. Там предстояло переправиться через реку на огромных понтонах и совершить стремительный бросок в центральную Бирму, чтобы захватить Мейтхилу/Meitkila. Это должно было полностью застать японцев врасплох: они были целиком сосредоточены на отражении ожидаемых наступлений в направлении Мандалая, которые должны были предпринимать наш 23-й Корпус, а также американские и китайские войска с севера. Мейтхила находилась прямо на коммуникациях, ведущих на север, к Мандалаю, поэтому захватить её было нелегко, а удержать — ещё труднее. В то же время 19-я Индийская Дивизия генерал-майора «Пита» Риса (Thomas Wynford Rees, 1898-1959) должна была атаковать и, как мы надеялись, захватить Мандалай/Mandalay.



После этого 14-я Армия могла бы двинуться на юг по двум дорогам к Рангуну, тогда как 15-й Корпус продолжал бы наступление в Аракане. К слову, Рис в своё время был адъютантом бригадного генерала Мейнарда (Charles Maynard, 1870-1945, на фото слева, командующий британскими и союзными войсками на Севере России в период [Британской Интервенции](#)) в Пешаваре, когда тот командовал Батальоном 5/6 Раджпутанских Стрелков/Rajputana Rifles. Я впервые встретил Риса в 1934 году. Это всегда был очень дружелюбный, лёгкий в общении человек, который мне чрезвычайно нравился. Его «Кинжальная» (Dagger) Дивизия впоследствии прославилась захватом Мандалая. И чтобы показать, насколько тесен военный мир: его G1 — начальником оперативного отдела штаба - был Джек Мастерс.

Генерал, бригадир Королевской артиллерии и я вернулись в Ухрул как раз вовремя, чтобы встретить дивизию. Затем мне и всему остальному штабу пришлось провести две чрезвычайно напряжённые недели, добывая транспорт, необходимый для моторизации всей дивизии, за исключением 99-й Бригады. У неё, напротив, забрали все автомобили, и она фактически осталась без транспорта. План состоял в том, чтобы перебросить её самолётами *Дакота* и планёрами на аэродром, расположенный в нескольких милях от Мейтхилы, как только его удастся захватить. Однажды я всю ночь вместе с G1 4-го Корпуса занимался расчётом загрузки, чтобы определить, сколько потребуется планеров. Что касается всех пехотных батальонов и других частей, особенно индийских и гуркхских, главной проблемой было найти водителей для всех новых автомобилей. Повсюду в спешке проводились ускоренные курсы переподготовки водителей. Мастерские IEME (Indian Electrical and Mechanical Engineers — корпус специалистов, занятых обслуживанием техники) тоже работали на пределе возможностей — впрочем, как и все остальные. Им приходилось проверять, обслуживать и переоборудовать непрерывно поступающий поток автомобилей. За две недели мы сделали то, на что в мирное время обычно потребовалось бы по меньшей мере шесть месяцев.

Когда мы наконец начали движение на юг, к району сосредоточения где-то между Гангавом и Пакокку, многие водители всё ещё были просто «учениками», но за этот долгий пыльный марш они много нахватались. Проселочная дорога через джунгли была настолько ухабистой, а облака пыли, которые поднимал каждый автомобиль, настолько плотными, что мне пришлось приказывать соблюдать между машинами минимальную дистанцию в сто ярдов. Даже при этом водители едва могли что-либо видеть. Я ехал в своём совершенно новом джипе с пенджабским водителем — довольно хорошим и достаточно опытным парнем. Очевидно, моя жизнь в должности G1 считалась более ценной, чем жизнь большинства других, поскольку у меня был предмет роскоши — переоборудованный грузовик *Додж/Dodge*, служивший мне одновременно кабинетом и спальней. Это был своего рода мини-караван. Мастерские оборудовали его письменным столом, шкафом,

кроватью из носилок и тому подобным, и мне он казался настоящей роскошью. У Кауэна был великолепный караван, переоборудованный из трёхтонного грузовика.

В месте назначения штаб дивизии в итоге разместился посреди хлопкового поля. В сухой сезон земля там становилась твёрдой, как железо, и покрывалась трещинами, а повсюду торчали засохшие кусты хлопчатника с их характерными коробочками. Меня чрезвычайно позабавил один случай. Адъютант генерала, офицер чрезвычайно высокого ранга и на несколько лет старше меня, спросил, что это за белый пушистый материал вылезает из засохших коробочек. Это было особенно забавно, потому что до войны он был одним из видных людей на Ливерпульской хлопковой бирже, хотя никогда в жизни не видел, как растёт хлопок.

Разумеется, при первой же возможности я отправился вперёд, в Пакокку, вместе с начальником разведки G2, превосходным человеком по имени Росс — и компетентным, и приятным в общении. Наша задача заключалась в том, чтобы установить связь с 7-й Индийской Дивизией, которой командовал генерал-майор Джефф Эванс (Jeff Evans, 1901-1987), и выяснить всё, что возможно, о ситуации на другом берегу Иравади. На самом деле нам удалось выяснить очень мало, а встретили нас довольно холодно. Помню, вернувшись, я в шутку сказал *Панчу*: «Я так и не понял, кто наши враги — японцы или штаб 7-й Дивизии». Дело в том, что наша собственная 17-я Дивизия (Чёрные Коты/Black Cats) была не слишком популярна у многих людей — думаю, по двум причинам. Первая была самая обычная, простая зависть. Это была прекрасная дивизия с выдающейся боевой историей, в которой были отступление из Рангуна в 1942 году до Калевы на Чиндуине, затем новое тяжёлое отступление из Тиддима и Чинских холмов и, наконец, [сражение за Импахал в 1944 году](#). Она уничтожила больше японцев и получила больше *Крестов Виктории*, чем любая другая дивизия, а теперь именно её выбрали для того, чтобы возглавить наступление 1945 года с целью отбить Бирму и Рангун. Вторая причина заключалась в неудачном стиле, с которым некоторые из наших старших офицеров занимались «саморекламой». Такой подход в духе [Мохаммеда Али](#): мы самые великие. Вероятно, так оно и было, но лучше, чтобы это говорили другие, а не мы сами. Во всяком случае, именно такое у меня сложилось впечатление, и временами это меня смущало и даже раздражало.

Наконец наступил великий день. 18 февраля дивизия начала переправу через Иравади, а к 21 февраля переправились уже все. Начался бросок на Мейтхилу. Японцы всё ещё не знали, что мы вообще покинули Ранчи, и прошли недели и недели, прежде чем они поняли, что им снова противостоят их старые враги — *Чёрные Коты*. Теперь вы понимаете, почему я так горжусь своей старой дивизией. Воспоминания о следующих нескольких днях у меня довольно отрывочные. Сопротивление японцев, как всегда, было фанатичным. До нас доходили рассказы о японских стрелках, которые привязывали себя к деревьям, чтобы освободить обе руки, а также об офицерах, запрыгивавших на наши танки, имея в руках только мечи. Но скорость и мощь нашего наступления застали их врасплох, и они не могли ничего поделать с нашими танками *Шерман/Sherman* и хорошо обученной, опытной и решительной пехотой. Мы неудержимо двигались вперёд. Примерно на вторую ночь штаб дивизии остановился на ночлег возле пагоды, которую мы использовали как столовую. Внутри я обнаружил какую-то священную буддийскую книгу — рукописную, с прекрасно выполненными иллюстрациями, написанными от руки. Меня соблазняла мысль забрать её, поскольку пагода и расположенная рядом деревня были покинуты, а последняя уже была разграблена японцами. Но что-то меня остановило. В конце концов, забрать книгу означало бы в любом случае совершить своего рода мародёрство. Я чувствовал, что это священная книга и что брать её неправильно — и чтоб вполне возможно, это навлечёт на меня возмездие и несчастье. Думаю, она всё ещё оставалась там, когда мы двинулись дальше, поскольку я распорядился, чтобы её никто не трогал.

Единственная дорога на Мейтхилу проходила через место под названием Таунгтха/Taungtha, и мы ожидали, что оно будет сильно обороняться, тем более что прежде нам предстояло преодолеть широкую песчаную переправу через Чинтхева-Чаунг/Chinthewa-Chaung. Поэтому мы бросили в бой обе бригады: 48-ю под командованием Осборна Хедли (Osborne Headly) — с юго-запада и 63-ю под командованием Гая Бёртона (Guy Burton) — с юга. Но на деле сопротивление противника оказалось гораздо слабее ожидаемого, и город пал в течение дня. От Таунгтхи дорога на Мейтхилу резко поворачивала вправо, на восток. Поздно днём Кауэн решил разместить на ночлег всю дивизию возле деревни Минган/Mingon. Она находилась за Таунгтхой, и на следующий день мы должны были быть готовы к прямому броску на Мейтхилу. Штаб дивизии следовал за 63-й Бригадой, но тут генерал принял неожиданное решение: направить нас прямо через открытое пространство к Мингану - то есть так, чтобы мы прошли по одной стороне треугольника вместо двух, избежав скопления войск и транспорта в Таунгтхе. Идея была хорошей, но моё возражение — и к тому времени я уже начал понемногу, хотя и неразумно, возражать — заключалось в том, что было слишком поздно: до наступления темноты оставалось недостаточно времени. Тем не менее мы двинулись вперед, причём впереди шёл охранный батальон Оливера, а за ним — штаб. Я не охотник, но всё это напоминало именно охоту — стремительную, диковатую и захватывающую, и я наслаждался каждой минутой. Сами поля — сухие, твёрдые и достаточно ровные — не создавали никаких проблем. Но всякий раз, когда нам попадался небольшая земляная насыпь, разделявшая поля, — большинство машин, особенно джипы, на мгновение подлетали в воздух. Более тяжёлые грузовики, например машины со средствами радиосвязи, просто расплющивали эти насыпи, а изгороди из кактусов вообще не представляли никакого препятствия. Я стоял в джипе во весь рост — это было одним из правил, которые ввёл Кауэн, стремясь поддерживать у людей чувство гордости за дивизию, и которые приводили в бешенство некоторые другие дивизии. Оглядываясь во все стороны, я видел совершенно невероятную картину: машины самых разных размеров, форм и назначения с грохотом и подпрыгиваниями широким фронтом пересекали бирманскую сельскую местность.

Не помню, какое расстояние мы прошли и сколько это заняло времени — может быть, пять или шесть миль, — пока нас не остановили две вещи: деревья и снайперы. Мы столкнулись с противником, и охранный батальон охраны уже спешил и продвигался через лес, чтобы выбить оттуда японцев. Остальные временно расположились в небольшой низине, которая давала нам некоторое укрытие, хотя пули всё же долетали и туда. Задержка оказалась не слишком долгой, но к тому времени солнце уже село, и свет быстро уходил. Продолжать движение прямо мы больше не могли. Примерно через полчаса я собрал офицеров связи бригад и ещё нескольких человек и вместе с небольшим эскортом выехал на джипах. Я хотел устроить ночлег прямо там, где мы находились, но генерал отменил моё решение. И прямо перед тем, как я уехал, я узнал, что Оливер был убит — японским снайпером, стрелявшим с дерева. Затем нам пришлось двигаться в сторону Таунгтхи, прежде чем мы смогли повернуть направо и выйти на дорогу к Мейкхиле, ведущую к Мингану. Когда мы приблизились к Мингану, я, честно говоря, думаю, что в течение нескольких минут мы, возможно, даже возглавляли всю дивизию. Уже почти стемнело. В некоторых местах прямо у дороги с обеих сторон были густые заросли, и всё вокруг казалось каким-то зловещим и тревожным. У меня не было времени провести нормальную разведку, и в конце концов мне пришлось лишь приблизительно указать места расположения бригадных групп и штаба дивизии по обе стороны дороги. Уже совсем стемнело, когда последние машины с трудом добрались до места, которое лишь очень отдалённо напоминало разработанную мной схему расположения на ночлег, но без неё наступил бы полный хаос, а ведь японцы вполне могли находиться совсем рядом. Думаю, именно эта почти наступившая неразбериха привела меня в ярость, и я не удержался от того, чтобы пробормотать что-то о старом правиле пограничной службы — разбивать лагерь за три часа до наступления темноты. Пожалуй, мне следовало держать язык за зубами...



*Британцы и индийцы рассматривают трупы японцев, убитых во время отражения очередной контратаки в районе города Мейтхила*

Ночь прошла спокойно. Если где-то поблизости и находились японцы, то, вероятно, они сами были ещё больше дезорганизованы, чем мы, и к тому же это, по всей видимости, были не регулярные боевые подразделения. На следующее утро, вскоре после рассвета, 25 февраля [1945 года], мы снова двинулись в путь. 48-я Бригада осталась позади, чтобы получить сброшенный с самолёта груз, а 26 февраля вся дивизия уже сосредоточилась в районе Махлаинга/Mahlaing. Танковая бригада находилась немного дальше впереди, а после того как мы захватили аэродром Тхабуткин/Thabutkin, до Мейтхилы оставалось всего около десятка миль. Всё прошло чрезвычайно хорошо, и Кауэн вместе с двумя командирами своих пехотных бригад — все они были гуркхами из Абботтабада/Abbotabada — продемонстрировали, насколько хорошо они знали Бирму и японцев. Войска действовали великолепно. Для меня было огромным событием 27 февраля увидеть, как над нами проходят *Дакоты*, буксируя планёры с первым батальоном нашей 99-й Бригады. Лёгкий бульдозер уже был доставлен туда, чтобы ускорить засыпку воронок, блокировавших взлётно-посадочную полосу. В тот же день 63-я Бригада, усиленная приданным ей танковым полком, столкнулась с сильной оборонительной позицией противника. Японцы основательно окопались и опоясали ее проволокой, а перед ней установили минное поле, мост был разрушен. Но позицию обошли с фланга и заставили японцев отступить. Уже в первые несколько дней были убиты сотни японцев, и по всей дивизии распространялось сильное ощущение превосходства над этими ненавистными «маленькими жёлтыми людьми». У многих ещё оставались старые счёты, [ведущие отсчет с 1942 года](#), а после всех совершённых ими зверств, которые были ещё свежи в нашей памяти, обрести ненависть и презрение к ним было совсем нетрудно.



*Сикхи в бою. Бирма*

Я только что снова перечитал историю нашего сражения за Мейтхилу, значительную часть которой, должно быть, написал сам. Но я не стану вдаваться в военные подробности. В общих чертах план заключался во всестороннем наступлении:

- 63-я Бригада должна была атаковать с запада;
- 255-я Танковая Бригада — с востока;
- 48-я Бригада — с севера.

99-я Бригада, только что переброшенная по воздуху, находилась в резерве, а Сикхская Легкая Пехота/Sikh Light Infantry охранял район расположения штаба нашей дивизии примерно в полутора милях от города. На захват Мейтхилы ушли первые три дня марта, а ещё пара дней потребовалась на зачистку города и уничтожение немногих японцев,



которые всё ещё прятались в канализационных стоках и других укрытиях. Из примерно двух тысяч японцев, оборонявших город, спаслись очень немногие. Их сопротивление было столь же яростным и фанатичным, как и всегда: они не сдавались и не просили пощады, но перед танками *Шерман* и нашей эффективной и решительной пехотой — британской, индийской и гуркхской — устоять им было не по силам. Кауэн (на фото слева в центре), многие другие и я наблюдали за всем происходящим с отличной позиции — с небольшой группы деревьев на

гребне. Три эпизода до сих пор совершенно ясно стоят у меня перед глазами. Два из них были связаны с 48-й Бригадой и действовавшими вместе с ней танками, которые теснили японцев с нашей стороны города. У меня был полевой бинокль, и я довольно хорошо мог видеть не только танки, но и сопровождавших их гуркхов. Я с удивлением заметил, как некоторые из них вдруг начали разбегаться в разные стороны, а затем вновь продолжили своё обычное продвижение. Через несколько дней мне объяснили, в чём было дело: они внезапно «освободили» целую стаю кур и бросились ловить этот посланный небесами шанс обеспечить себе ужин из *murghi* — курятины. И всё это происходило прямо посреди атаки, под сильным огнём японцев. Гуркхи — действительно странные маленькие люди.



*Гуркхи в Бирме*

Второе, что я увидел, хотя из-за расстояния не мог рассмотреть достаточно ясно, — это несколько японцев, которые, казалось, присели на землю прямо на пути наших *Шерманов*. Я решил, что они совершают самоубийство, лишь бы не сдаваться, но всё было ещё хуже. Я не мог видеть того, что у них между коленями лежали авиационные бомбы, а в руках они держали кирпичи, готовые ударить ими по взрывателю, когда танк проедет прямо по ним. В итоге по меньшей мере у нескольких наших танков были повреждены или разбиты гусеницы: как бы сильно мы ни презирали японцев, храбрости им было не занимать.

Третий эпизод оказался гораздо менее приятным — для штаба дивизии, находившегося на нашей якобы «безопасной» наблюдательной позиции среди деревьев. Некоторые из наших танков, обходившие Мейтхилу с дальней стороны, чтобы перерезать дорогу на юг, к Пьябве/Pyawbwe и Рангуну, начали стрелять в нашем направлении. Некоторые снаряды явно перелетали цель или имели слишком большую траекторию. Во всяком случае, внезапно мы слышали над головами отдельные разрывы, а затем — что было гораздо хуже — взрывы со всех сторон. Должно быть, танки стреляли шрапнелью, и когда снаряды разрывались в деревьях на нашем гребне, осколки металла разлетались во все стороны. Несколько секунд были очень неприятными. Стоявший рядом со мной артиллерийский капитан лишился большей части пальцев на правой ноге, кроме того, у генеральского каравана — грузовика — был снесён угол. Это был самый близкий случай к тому, чтобы стать жертвой боевых действий за всю кампанию — и притом от огня собственных танков!

5 марта штаб дивизии смог перебраться в город, и главный аэродром вновь начал функционировать. Мы захватили Мейтхилу менее чем за две недели после переправы через Иравади. Теперь нам предстояло удержать её, пока японцы отчаянно пытались прорвать нашу хватку на их коммуникациях с Мандалаем. Мы находились в Мейтхиле ровно месяц, и первую половину этого времени противник бросал против нас буквально всё, что мог, однако за исключением того, что японцы сделали аэродром непригодным для использования и несколько дней непрерывно атаковали нас, их усилия ни к чему не привели. Тактика Кауэна — активная оборона, то есть оборона посредством постоянных наступательных действий, — полностью себя оправдала. Почти ежедневно 48-я и 63-я бригады, а также танковые части атаковали противника и громили его на участках сосредоточения. Слава богу, у нас было полное господство в воздухе. Японской авиации практически нигде не было видно. *Дакоты* продолжали снабжать нас, сбрасывая грузы с воздуха, а [истребители-бомбардировщики] *Тандерболт/Thunderbolt*, кажется, постоянно

находились в небе, оказывая непосредственную поддержку нашим атакам. Американские пилоты действовали превосходно, как, впрочем, и Томпсон (Thompson), представитель Королевских ВВС, находившийся вместе с нами на земле и управлявший действиями всех истребителей. В течение марта мы уничтожили ещё более трёх тысяч японцев.

Штаб дивизии, пожалуй, не слишком благоразумно, разместился в почти неповреждённом доме на берегу большого озера. Очень скоро мы оказались под огнём японской артиллерии — и днём, и ночью. Не могу сказать, что мне это хоть сколько-нибудь нравилось, особенно по ночам, хотя я спал в неглубокой индивидуальной траншее, очень похожей на те, что мы рыли ещё во времена службы в Токоле/Tokol, в Вазиристане. Ночью каждый звук воспринимается совершенно иначе. Сначала я видел вспышку японского орудия где-то на севере или востоке. Затем доносился глухой удар выстрела. И только после этого раздавался нарастающий свист летящего снаряда. Каждую ночь мне казалось, что каждый следующий снаряд летит прямо в меня. Некоторые действительно падали совсем рядом, но большинство перелетало нас или с шумом падало в озеро. Всё это мне совершенно не нравилось, и спать удавалось очень мало — к тому же возле подушки у меня лежал полевой телефон, а к радиостанции меня вызывали постоянно.

Озеро было настоящим спасением. Вода была тёплой, не слишком чистой, дно — илистым, но это всё равно было великолепное место, где можно было искупаться. На противоположном берегу располагалась 63-я Бригада, и иногда, в редкие спокойные минуты, я наблюдал за ней через захваченный японский перископический дальномер с невероятным увеличением. Когда японские снаряды выбили все окна в доме штаба, мы построили командный пункт снаружи из мешков с песком, окружённый узкими щелевыми траншеями. Но поскольку Кауэн с демонстративным презрением относился к самой мысли о том, чтобы прятаться в щели, мне тоже было неудобно туда залезать во время обстрелов.

Наш охранный батальон теперь составляла Сикхская Лёгкая Пехота под командованием Барлоу-Уилера (Barlow-Wheeler). Это был совсем молодой батальон без боевого опыта, и его люди страстно хотели доказать свою состоятельность. Знаменитые старые сикхские полки комплектовались в основном сикхами районов Малвы и Манджи — воинами и земледельцами. Так же были укомплектованы и сикхские роты в других батальонах, включая мой собственный Пенджабский 2/14. А вот Сикхская Лёгкая Пехота формировалась из представителей более низких кастовых групп — *мазхби* и *рамдасия*. Это было различие, которое проводили сами сикхи, а не я. Теперь эти люди стремились доказать, что ничем не уступают другим. Мы с Кауэном обсуждали это и пришли к одному выводу: их первый бой должен закончиться победой. Не слишком лёгкой, но такой, чтобы укрепить их и без того высокий боевой дух. Такой случай вскоре представился. Поступило сообщение о небольшом японском отряде на дороге Тази, к востоку от нас, и мы отправили туда роту сикхов. Они действовали великолепно. Вернулись они в полном восторге, буквально размолотив японцев. Сначала они обстреляли противника, а затем с таким азартом бросились в штыковую атаку, что, казалось, совсем забыли о поддерживавших их пулемётах. Трагедия заключалась в том, что они понесли слишком большие, совершенно ненужные потери, включая своего британского командира роты, который был убит. Но они доказали всё, что хотели доказать. И сегодня Сикхская Лёгкая Пехота остаётся одним из лучших соединений индийской армии.

Одной из вещей, доставивших мне больше всего неприятностей и во многом испортивших мои отношения с генералом, оказалась... обычная радиостанция. У нас существовала обычная радиосвязь со всеми бригадами через дивизионную сеть. Это прекрасно работало: мы отдавали приказы, бригады докладывали тогда, когда считали нужным и необходимым. Но начальник связи установил в нашем командном пункте ещё одну радиостанцию. С её помощью Кауэн мог подключаться к сети управления любой из наших бригад и слушать переговоры между штабом бригады и её батальонами. Само по себе это

было полезно: мы всегда знали, что происходит. Беда была в другом. Панч не ограничивался прослушиванием. Он начинал вмешиваться в действия командиров бригад — через меня. Разумеется, он был генералом, опытным и успешным, и имел полное право отдавать приказы когда угодно. Но я твёрдо считал, что, если человеку поручено выполнить задачу, его следует оставить выполнять её так, как он считает правильным. Он находится на месте и лучше всех понимает обстановку. Однако Панч, слушая переговоры между штабом бригады и её батальонами или танковыми подразделениями, порой просто не мог удержаться. Он говорил мне: «Передай им, чтобы ввели танки. — Пусть обходят справа. — Скажи, чтобы шевелились. — Спроси, что у них там происходит.» С большой неохотой я передавал эти указания и зачастую получал довольно резкие ответы от бригадиров, которым искренне сочувствовал. В конце концов я начал спорить с генералом по этому поводу, но однажды он резко оборвал меня: «Делайте то, что вам приказано.» Жизнь стала далеко не простой. Кроме того, я всё яснее понимал, что слишком редко выбираюсь в расположение самих бригад.

20 марта пал Мандалай, захваченный 19-й Дивизией, и для нас всё снова резко осложнилось. Уцелевшие японские части начали отходить на юг и отчаянно пытались прорваться через наши позиции. Артиллерийские обстрелы участились. По ночам участились и японские беспокоящие рейды. По ночам, когда я лежал на своей походной койке, до меня доносился характерный металлический лязг гусениц японских лёгких танков. Звучало это весьма неприятно, хотя серьёзной угрозы они уже не представляли. В середине месяца к нам по воздуху перебросили 9-ю Бригаду 5-й Дивизии, которая поступила под наше командование. Теперь мы превратились в чрезвычайно мощную группировку. К концу марта остальная часть дивизии подошла по дорогам, и ничто больше не мешало начать масштабное наступление на юг. К этому времени оба командира наших бригад — 99-й и 9-й Бригады 5-й Дивизии — уже лишились своих должностей. Честно говоря, удивительно, что я сам ещё оставался на своём месте.

Самой печальной новостью стала гибель единственного сына Кауэна, который служил в 6-м Полку Гуркхов, том самом, где когда-то служил и сам генерал. Он погиб при штурме Мандалая. Мне было совершенно ясно, что Панч был раздавлен горем. Ему отчаянно хотелось оказаться рядом с женой, но он выдержал этот удар с достоинством настоящего солдата. Почти сутки он почти не выходил из своего каравана, а затем вновь появился — полностью владеющий собой и снова командующий своей любимой дивизией. Не уверен, что смог бы поступить так же, если бы, например, погиб мой сын Пол.

### **Дорога на Пьябве**

Следующей крупной целью после Мейктилы был небольшой городок Пьябве, где до войны располагался гарнизон Бирманских Стрелков. Японцы, помимо войск, отступавших из Мандалая, подтянули с юга значительные силы, отчаянно пытались остановить наше продвижение до начала муссонов. Каждую милю из двадцати или тридцати, отделявших Мейтихилу от Пьябве, приходилось брать с боем. Сотни японцев погибали ежедневно — только после одного боя Сикхская Лёгкая Пехота насчитала 253 труп противника. Без авиации, почти без танков и с крайне ограниченной артиллерийской поддержкой японцы уже не имели никаких шансов. 11 апреля мы взяли Пьябве. Японцы отступили.

Одну ночь я помню особенно хорошо. Мы разбили лагерь довольно поздно, рядом с одной из бригад — кажется, с 48-й. Единственной доступной водой была вода из глубокого колодца, и никто не мог быть уверен, что японцы, как они часто делали, не бросили туда пару трупов, чтобы отравить воду. Но другой воды у нас не было, а день выдался очень сухим, пыльным и жарким. Сапёры залили в колодец хлор и откачали воду. Она была коричневой, грязной на вид, и мы пили её в виде чая или супа, чтобы замаскировать её цвет и отчасти — вкус хлора. Насколько мне известно, никто не умер и даже не заболел, а я лично не почувствовал никаких последствий. Зато всю эту ночь японцы пытались

устроить нам свой обычный *джиттер-рейд*. Небольшие группы японцев время от времени давали короткие автоматные очереди, запускали сигнальные ракеты и фейерверки, кричали оскорбления или обращались к нам на урду и по-английски, убеждая, что продолжать сражаться против них не имеет смысла. Всё это были обычные старые приёмы, и никто не обращал на них ни малейшего внимания, но спать они, конечно, не помогали. К несчастью, именно в тот день к нам присоединился новый, совершенно необстрелянный батальон маратхое. Кажется, раньше это был противотанковый батальон, но теперь его использовали как обычную лёгкую пехоту, и когда японцы начали свое ночное шоу, они добились именно той реакции, на которую рассчитывали. Начался настоящий ад, полный хаос. Маратхи открыли огонь из всего, что у них было: пулемётов, автоматов, винтовок — буквально из всего оружия. Для них за каждым кустом скрывалась группа японцев. Подобное уже не раз случалось в первые годы войны, так что трудно было обвинять батальон в такой реакции, но Кауэн пришёл в ярость — и, вполне понятно, поскольку подобное было совершенно не в духе 17-й Дивизии. «Что там происходит?» — потребовал он ответа от меня. Мне это казалось совершенно очевидным. «Японцы устраивают *джиттер* новому батальону,» — примерно так я ему ответил. «Давай, спроси их, за каким чёртом он устроил пальбу. Скажи им прекратить огонь.» - «Они сами доложат, сэр, когда будут достаточно хорошо понимать, что происходит, чтобы сообщить нам,» — ответил я. «Делайте, что вам приказано,» — отрезал Кауэн, который был уже по-настоящему зол, а я, очевидно, снова повёл себя глупо. Мне следовало просто сразу выполнить его приказ. Я взялся за «трубку», сам кипя от злости из-за того, что на меня накричали, и получил именно тот ответ, который ожидал: «Мы прекратим огонь, как только сможем. Все офицеры сейчас ходят вокруг и отгоняют солдат от пулемётов.»

Разумеется, прошло 35 лет, поэтому приведённые выше реплики настолько точны, насколько позволяет моя память, но само происшествие я помню совершенно ясно. С того дня мои отношения с генералом уже никогда не были прежними. Мне просто расхотелось сотрудничать с ним. Я — как, впрочем, и все Петтигрю — не люблю, когда на нас кричат и нами помыкают. И это относится ко всем моим братьям, сыновьям, племянникам и прочим родственникам. Возможно, это несколько странно, если учесть, что все мы прошли через Сандхерст — тринадцать человек за два поколения, — и большинство из нас сделали армию своей профессией. Мне хотелось бы думать, что меня не нужно было подгонять и подталкивать. С другой стороны, я прекрасно понимаю, что иногда обладал весьма раздражающей старших по званию привычкой задавать вопросы по поводу распоряжений — даже прямых приказов. Так что, вероятно, сам напросился. Теперь я стал мудрее и намного старше, но совершенно уверен, что и сейчас не позволил бы собой помыкать. Впрочем, насколько я помню, никогда раньше я тоже этого не позволял. Всё это довольно личное и, возможно, скучное отступление, но об этом нужно было сказать. В конце концов, это было глупо: Кауэн мне очень нравился, и генералом он был превосходным.

После взятия Пьябве через наши позиции прошла 5-я Дивизия и приняла на себя ведущую роль. Не думаю, что кто-нибудь в 17-й Дивизии был против, разумеется, при условии, что в нужный момент мы снова выйдем вперёд, чтобы отбить Рангун. Фактически в районе Пьябве мы получили целую неделю отдыха перед дальнейшим продвижением. Мы никуда особенно не торопились, и каждый день я составлял график движения на юг для каждой бригады и для нашего дивизионного штаба. На маршруте было несколько довольно крупных узких мест на переправах и мостах, поэтому приходилось закладывать большие интервалы между колоннами. Нужно было избежать огромных пробок и скопления машин у каждой такой точки и постараться сделать так, чтобы ведущая бригада прибывала на новое место ещё до того, как дивизионный штаб вообще начинал движение. Однако это ни разу не сработало. Задолго до назначенного времени генерал уже начинал рваться вперёд. Ему было невыносимо просто сидеть, отдыхать и ничего не делать на ночной стоянке. Мне приказывали выступать, в результате мы часами стояли на дороге или временно рассредоточившись в стороне от неё, ожидая, пока освободятся переправы и мосты. Слава

богу, у японцев не было авиации: мы представляли собой прекрасную неподвижную цель. Хотя несколько самолётов у них всё-таки имелось. Однажды конвой 5-й Дивизии действительно подвергся бомбардировке, когда колонна скопилась у такого узкого места, и несколько грузовиков с боеприпасами взлетели на воздух. Не думаю, что мы хоть раз прибывали на новое место раньше времени, которое я первоначально рассчитал в своих таблицах движения — тех самых, которые генерал называл *вздором из штабного училища*. Только у Пью/Руи, к югу от Тоунгоо, мы снова приняли на себя ведущую роль — к огромному, я уверен, неудовольствию 5-й Дивизии. Это была отличная дивизия с превосходным генералом — Бобом Мэнзером (Robert Manser), которого, однако, я так и не узнал по-настоящему. Это произошло 25 апреля.

Теперь началась гонка: нужно было добраться до Рангуна до прихода муссонов. По пути предстояло пересечь множество *чаунгов* (сухих и полусухих русел) и небольших рек. Впереди шли наши танки и бронеавтомобили, сопровождаемые батальоном *Раджпутанцев* и Батальоном 1/3 гуркхов, переданным нам в подчинение. За ними — 63-я Бригада, затем мы, потом 48-я Бригада и, наконец, 99-я Бригада без батальона гуркхов. 99-я Бригада всегда казалась мне *Золушкой*. Её перевозили на странной смеси самых разнообразных машин, включая танковые тягачи. Я однажды попробовал проехать на таком — так что знаю, насколько это неудобно. Когда танковая бригада столкнулась с японцами, экипажи боевых машин немало удивились, обнаружив в составе сил противника довольно значительное количество настоящей кавалерии. Танки быстро с ними расправились. Затем мы вошли в сильно заминированный район. Два наших танка были полностью уничтожены зарытыми в землю авиационными бомбами, а когда мы уже входили в район нашей дивизионной стоянки, та же участь постигла сапёрный джип, шедший непосредственно передо мной. Я был рад, что это был не мой джип. Всякий раз, когда японское сопротивление усиливалось, мы обрушивали на них удары авиации, интенсивный артиллерийский огонь и наши *Шерманы*. К вечеру 29 апреля мы уже подошли совсем близко к Пегу. Этот день был, пожалуй, самым счастливым за всю кампанию. Мы освободили около четырёхсот британских и американских военнопленных, которых японцы выпустили из тюрьмы в Рангуне. Среди них было несколько военнослужащих Западно-Йоркширского Полка, захваченных японцами ещё в 1942 году — причём, как мне сказали, совсем недалеко от того места. Они рассказали нам, что японцы быстро покидают Рангун и направляются к переправам через Ситтанг/Sittang, ведущим в Таиланд. Поначалу японцы гнали пленных вместе с собой, но они двигались слишком медленно, и через некоторое время им просто сказали, что они свободны, и оставили их. Они укрылись и отдыхали среди деревьев. Старшим среди них был подполковник, который так мужественно защищал их в тюрьме Рангуна. Несколько лет спустя я прочитал, что наши собственные самолёты обстреляли их в этом лесу и что полковник был убит — он оказался единственной жертвой [Скорее всего, речь идет о дивизионном враче, подполковнике Маккензи (Kenneth P. MacKenzie, 1889-1968, но он остался в живых - ВК]. И тут меня начала мучить совесть, потому что я вспомнил, как отдавал приказ о немедленном авиаударе *Тандерболтами* по большой группе людей, замеченной воздушной разведкой при входе в лесистую местность. Я точно знаю, что это было на маршруте отхода японцев из Рангуна к реке Ситтанг.

Есть у меня ещё одно совершенно отчётливое воспоминание — о бирманце, который подошёл ко мне на перекрёстке и сдался. Но он оказался вовсе не бирманцем. Он прекрасно говорил по-английски и на самом деле был индийским подполковником, перешедшим на сторону японцев в 1942 году — то ли в Бирме, то ли в Малайе, то ли в Сингапуре. Поразительным совпадением было то, что Кауэн хорошо его знал по Военной академии в Дехра-Дуне/Dehra Dun — [индийскому аналогу Сандхерста](#) — ещё до войны. Кауэн был там инструктором, а этот человек (жаль, что я не могу вспомнить его имени) даже получил *почетный меч* — высшую награду лучшему выпускнику. Теперь вот он стоял перед нами — предатель и активный пособник японцев. Особенно трагично было то, что

он происходил из действительно замечательной пенджабской семьи, имевшей за плечами многопоколенную и выдающуюся историю службы в Индийской армии.



*Танки Шерман продвигаются вперед в сопровождении пехоты. Бирма, 1945*

Нам пришлось немало повоевать, чтобы овладеть Пегу: все мосты через реку были взорваны, но к 1 мая город полностью оказался в наших руках, и уже на следующий день мы продолжили продвижение на юг. Дивизионные сапёры не теряли времени и быстро навели через реку мост Бейли/Bailey. Именно в Пегу я приобрёл свою единственную «военную добычу» за всю войну — пару японских сапог с резиновой подошвой из местного склада снабжения. Мои собственные сапоги уже практически развалились. 2 мая произошло сразу два события. Морской десант и парашютные части нашего 15-го Корпуса, наступавшие из Аракана, вошли в Рангун и обнаружили, что японцы уже ушли. Не было сделано ни единого выстрела. А затем начался муссон - небеса разверзлись, и дождь хлынул стеной. Наше до этого стремительное продвижение превратилось в медленное, и скользкое ползание по грязи. Нас задерживали минные поля, мины-ловушки, разбухшие от дождей *чаунги* и реки, а также разрушенные мосты. 5 мая дивизия дошла до Хлегу/Hlegu, где встретилась с передовыми частями нашей 26-й Дивизии, вышедшими из Рангуна. Дальше мы не пошли. Теперь наша задача изменилась: нам предстояло повернуть обратно и двигаться к Пью, чтобы перехватить и уничтожить японцев, пытавшихся уйти на восток.

Тем временем наступил День Победы в Европе — 8 мая, но Европа казалась нам невероятно далёкой, а наша собственная война вполне могла продолжаться ещё долго: японские войска всё ещё находились по всей Юго-Восточной Азии. Именно 8 мая, стоя под проливным дождём на ближнем берегу одного из разлившихся *чаунгов* и наблюдая, как несколько наших дивизионных сапёров готовят плацдарм, я увидел подъехавшего мотоциклиста. Он передал мне донесение. Я вскрыл его, прочитал, а затем окликнул сапёрного сержанта, командовавшего работами:

— Сержант!

— Сэр?

— У меня для вас очень хорошие новости. Война в Европе закончилась. Немцы капитулировали.

Пауза.

— Очень хорошо, сэр.

Затем он обратился к своим людям: «Ну что, парни, пять минут перерыва.» Вот так мы и отпраздновали День Победы в Европе. Ну, ещё каждому выдали по полпинты пива, специально доставленного к нам самолётом. До Токио нам было ещё очень далеко.

Когда мы развернулись и снова двинулись на север, по всей дивизии ощущалось огромное чувство разочарования. Я чувствовал то же самое, хотя моё разочарование невозможно было сравнить с тем, что испытывал Кауэн и все остальные, кому в 1942 году пришлось отступить из Рангуна вплоть до Манипура. Они так отчаянно хотели первыми вернуться в Рангун, и они, безусловно, этого заслуживали. В нашей новой роли каждая бригадная группа получила собственный район ответственности, а лично для меня по линии G — оперативной работы - дел почти не осталось. Японцы были подавлены, полуголодны и распались на небольшие группы. Агрессии они почти не проявляли, и всё больше японцев начали сдаваться, что ещё совсем недавно было немыслимо. Они просто хотели перебраться через реку Ситтанг в Таиланд, но даже Ситтанг находился под плотным наблюдением и патрулированием частей 19-й Дивизии. В это время мне представилась возможность посетить штаб 19-й Дивизии неподалёку от Тоунгоо. Там меня очень тепло и дружелюбно встретили генерал Рис и его начальник штаба Джек Мастерс — оба моих старых знакомых ещё по Вазиристану. С Джеком Мастерсом мы, как вы помните, вместе служили и в Кветте.

Мы располагались в пустующих бирманских домах в частично разрушенных и почти безлюдных деревнях. Запах горелого дерева и бамбука всё ещё стоял очень сильный. Постепенно местные жители начали возвращаться из тех мест, где они укрывались от наших авиационных ударов и артиллерийских обстрелов. Они не держали на нас зла, понимая, что нашей целью были ненавистные японцы, а не они сами. Более того, они приветствовали наше появление и ту безопасность, которую мы обеспечивали. Они охотно снабжали нас всем, чем могли: фруктами, овощами, яйцами, и мы, в отличие от этих *маленьких жёлтых человечков*, за всё платили.



*Китайские и корейские девушки «для комфорта», освобожденные британцами*

Кроме того, наши солдаты не приставали к местным женщинам. У японцев были так называемые «девушки для комфорта», но их было слишком мало, и местных женщин нередко принуждали выполнять эту роль. Один из наших батальонов однажды захватил около полудюжины таких «девушек», и из любопытства я пошёл посмотреть на них. Приземистые, некрасивые, с кожей, напоминавшей пергамент, — я никак не мог понять, каким образом они могли предоставлять кому-то *комфорт*. В течение всей кампании все наши солдаты должны были соблюдать целибат, и то, что за всё это время у нас не возникло никаких проблем с женщинами, было большой их заслугой. Я также зашёл посмотреть на одного из первых захваченных японских солдат. Он находился в небольшой комнате и стоял, вытянувшись по стойке «смирно», перед британским сержантом, который его допрашивал.

— Он много вам рассказал? — спросил я.

— Не особенно, сэр. Не думаю, что он вообще много знает.

— А тогда что вы делаете?

Я почти уверен, что, когда я вошёл, видел, как приклад винтовки сержанта тяжело опустился на пальцы ног пленного.

— Устраиваю ему «рангунское лечение», сэр.

Я оставил их. Должно быть, сержант успел поговорить с кем-то из наших военнопленных, побывавших в тюрьме Рангуна — возможно, со своими старыми товарищами, попавшими в плен в 1942 году.

Поскольку дел у меня было немного — разве что навещать различные бригады и батальоны, — я был далеко не перегружен и даже находил время для прогулок ранними вечерами. У меня появилась возможность обратить внимание на то, что происходило вокруг. Повсюду десятками мелькали пестрые зимородки, без конца нырявшие в воду за рыбой; летали попугаи и алые минласы, да и цветы наконец стали попадаться на глаза. Я также заметил на множестве деревьев большие длинные пожелтевшие стручки, свисавшие с вьющихся растений. Я сорвал один, очистил его от сухой, крошащейся оболочки и обнаружил внутри *люфу* — мочалку. Я пользовался ею несколько недель, оттираясь ею с головы до ног. Иногда мне действительно требовалось как следует отмыться. До этого я понятия не имел, что *люфа* растёт на деревьях: раньше у меня просто не было возможности это заметить. Мне довелось увидеть даже несколько кобр, в том числе крупных королевских кобр, особенно многочисленных в районе горы Попа/Ропа. Её коническую вулканическую вершину я заметил ещё тогда, когда мы двигались на юг от Иравади к Мейтхиле. Говорят, что раз в год местные бирманские девушки целуют этих змей и при этом совершенно не страдают от их укусов. Вполне возможно, что это действительно так.

Кауэн очень устал и явно мечтал поскорее вернуться к жене, чтобы вместе пережить смерть сына и хоть как-то поддержать друг друга. Он провёл прекрасную кампанию и заслуживал лучшей участи, чем потерю единственного сына и горькое разочарование из-за того, что ему не удалось первым вернуться в Рангун. Ему пришлось терпеть ещё и меня... К счастью, вскоре он уехал в отпуск, а вскоре после этого прибыл новый командир дивизии. Я тоже подал рапорт с просьбой предоставить мне двухмесячный отпуск в Англии. Я не был там с момента своей свадьбы в январе 1938 года, и теперь, когда настоящая война наконец закончилась, все мои мысли были только о возвращении к семье. Где-то в июле прибыл человек, который должен был меня сменить, — и я уехал! Я даже не помню имени нового генерала или нового G1. После Пегу я уже просто отключился от всего этого.



*Сброс грузов на парашютах. Март 1945 года*

Было удивительное ощущение — ехать на юг в своём джипе. Мне очень хотелось впервые увидеть Рангун. Город всё ещё представлял собой ужасное зрелище, но недавно сформированный штаб 12-й Армии уже вовсю занимался восстановлением порядка и налаживанием нормальной жизни. Времени на полноценную экскурсию у меня не было: был уже поздний вечер, а следующим утром мне предстояло улетать. Но я увидел снаружи тюрьму, где содержались наши военнопленные, и мельком взглянул на огромную пагоду Шведагон. Её знаменитый золотой купол, покрытый сусальным золотом, выглядел довольно облезло...

Мою единственную ночь в Рангуне я провёл в том, что до войны, должно быть, было великолепным бунгало неподалёку от озера. На следующее утро я поехал в аэропорт Мингаладон. Разумеется, там уже стояла *Дакота*, готовая принять нас на борт. Я считаю, что именно *Дакота* — благодаря своим сбросам грузов с воздуха и посадкам наряды с полным господством в воздухе была одной из главных причин нашего поразительного успеха в Бирме в 1945 году. Другими причинами были *мепакрин*, благодаря которому количество случаев малярии у нас практически свелось к нулю, хотя цвет нашей кожи приобрёл нездоровый жёлтый оттенок, и, конечно, танки *Шерман*. Но, как всегда, всё это было бы бесполезно без хороших командиров и ещё более классной пехоты...

... Я вернулся в Англию после семи с половиной лет отсутствия. Для нас был зарезервирован целый вагон поезда до Лондона, а Патрисия ждала меня на вокзале Пэддингтон. Я не стану подробно описывать свои продолжительные двухмесячные отпускные «каникулы для восстановления», за исключением одного дня — Дня Победы над Японией (VJ Day), когда японцы капитулировали и моя война закончилась. Мы гостили у моей сестры Джоу в Перси-Хаусе в Уимборне. На расположенной неподалёку городской площади пели, танцевали и пили. Все были безумно счастливы. Странно, возможно, но мне не хотелось присоединяться к этому шумному веселью и громко радоваться. Я просто испытывал огромное чувство облегчения оттого, что всё это наконец закончилось.

В начале ноября я наконец вернулся в Бомбей морем — на старом лайнере компании *Union Castle*, называвшемся *Llangibby Castle*, — и был направлен в транзитный лагерь в Кальяне, недалеко от Деолали/Deolali... Мне предстояло ждать следующего назначения — и я надеялся, что это будет снова пехотный батальон... В Дели меня поселили в огромном офицерском общежитии, где проживало множество самых разных офицеров Главного штаба. Мне это совершенно не понравилось. Слишком уж оно напоминало транзитный лагерь, и я решил выбраться оттуда при первой же возможности. На новой работе я быстро освоился и хорошо поладил со своим начальником — генерал-майором Клейтоном (Clayton), артиллеристом, — и его заместителем, бригадиром Нобби Кларком (Nobby Clark). Если говорить в самых общих чертах, нашей задачей было разрабатывать и координировать политику в отношении вооружения и снаряжения, необходимого всей армии в Индии, а также руководить разработкой и испытаниями новых образцов вооружения и оборудования. Задача немалая, и звучит она довольно важно — да и значительная часть работы действительно была очень важной. Понижение офицеров в званиях до их штатных званий мирного времени уже началось, и не было никакой уверенности, как долго я ещё пробуду подполковником.

<https://burmastarmemorial.org/archive/stories/2986761-col-h-r-c-pettigrew?q=>

## КЕН КИН (KEN KEEN)

### 1-й Батальон Эссексского Полка/23-я Бригада



Я прибыл на вокзал Карлайла вместе ещё с тридцатью — пятьюдесятью такими же новобранцами. Нас встретили криками: «Вам, парни, повезло! Сюда! Называйте свои фамилии и забирайтесь в грузовики!» Я подумал: «Вот это прекрасная встреча. Вот так нас приветствуют в британской армии». Переночевав в лагере, мы поездом отправились в Странрап/Stranraer, оттуда — в Ларн/Larne, в Северной Ирландии, а затем на пароме добрались до лагеря под названием Балликенлар/Ballykinlar, расположенного у подножия гор Морн/Mourne. Нам выдали форму, постригли, сделали прививки и так далее. Так началась моя служба в Британской армии военного времени. Шесть недель строевой подготовки: строевая, маршировка, обучение стрельбе из винтовки, бег двойным шагом. Через четыре-пять недель мы уже начинали превращаться в солдат. Когда мы покинули Белфаст, то вернулись в Карлайл/Carlisle, чтобы пройти десятидневную подготовку. Опять тренировки: марш-броски, обучение обращению с оружием — каждую неделю мы становились физически крепче.

## Переход в Индию

На борту находилось 8 000 солдат. У меня и моего приятеля не было карточки с указанием места для размещения — но это ничего не меняло. Для приёма пищи нам определили место за столом в столовой, а вот спать... ну, спать приходилось, где придётся: в коридорах, на палубе, а несколько раз даже в *камере с мягкими стенами/padded cell* (комната для изоляции буйных пациентов – ВК)! Мы не пробыли в море и суток, как всех сразила морская болезнь. Ну и зрелище! Мне удалось найти место на палубе; я обхватил руками поручни и не двигался целый день. Днём всё наше время уходило на поиски хоть какого-нибудь места, где можно было бы сесть, потому что ночью нас заставляли находиться внизу, под палубой. Помню одну ночь. Мы находились на палубе, стараясь в последний раз увидеть дневной свет и подышать свежим воздухом, когда заметили около двенадцати немецких самолётов, которые пикировали на нас, чтобы сбросить бомбы. Ну... тут начался настоящий ад: падали бомбы, стреляли орудия — нас загнали вниз, под палубу, и заперли там. Казалось, что это продолжалось целую вечность. Наконец всё стихло. Наступила короткая передышка в этом хаосе — но ненадолго. Всплыла подводная лодка и сопровождала нас до Гибралтара. После месяца в море было приятно наконец увидеть что-нибудь, кроме самолётов и китов. Гибралтар для меня выглядел как террикон у нас дома!

Когда мы вышли из Гибралтара, к нашему конвою присоединились несколько американских кораблей. Через 24 часа они уже лежали на дне Средиземного моря. Каждый день немцы бомбили нас и обстреливали из пулемётов. К тому времени мы уже довольно привыкли ко всему этому. И вот однажды совершенно неожиданно вдали появились крошечные точки на горизонте. Оказалось, это египетский Порт-Саид. Все сразу оживились, стали петь и смеяться. У всех появилось удивительное чувство товарищества. После высадки нас посадили на поезд и провезли вдоль всего Суэцкого канала — зрелище, которое лучше всего забыть. Как же там жили люди!

Мы прибыли в место под названием Порт-Тевфик/Port Tewfik, где около трёх недель прожили под брезентом. Оттуда мы вышли в море, но после присоединения к конвою наше судно вышло из строя, и в результате нас просто оставили одних в Красном море — добираться до Индии самостоятельно. После долгого и медленного перехода мы наконец пришвартовались в Бомбее. По крайней мере, благополучно. Мы сошли с корабля и прошли маршем через Бомбей к грузовикам, которые отвезли нас в транзитный лагерь под названием Деолали. Больше всего меня поразило, когда мы покинули транспорт, жара, исходившая от дорог и от всего вокруг. Тротуары были покрыты красной массой. Позже я узнал, что это был сок *бетеля* — местные жители жевали орех *бетеля* и сплёвывали его. Ужасная штука! Мы пробыли там около месяца, продолжая тренировки и поддерживая физическую форму.

## В 17-ю Индийскую Дивизию

Наконец снова переезд — на этот раз для присоединения к 17-й Индийской Дивизии. Мы вошли в состав 23-й Бригады *чиндитов*, меня направили в 1-й Батальон Эссексского полка. До этого я служил в Приграничном Полку, поэтому теперь у меня появились новые товарищи — все лондонские кокни. Мы приступили к по-настоящему интенсивной подготовке: уходили в джунгли, неделями жили там, учились выживать за счёт того, что могли добыть сами. Затем мы сели на воинский поезд, который две недели вёз нас к реке Брахмапутре, а там мы пересели на паром. После этого ещё неделю ехали в воинском эшелоне до места под названием Манипур. Поступили сведения, что японцы окопались вокруг железнодорожной станции. Все были приведены в боевую готовность. Пока нас инструктировали, неожиданно приехал на джипе адмирал [лорд Маунтбеттен](#)! Меня, как одного из самых молодых солдат, выбрали для того, чтобы встретиться с ним и пожать ему руку. Какой же это был мощный, крупный человек!

— Здравствуйте. И сколько времени вы уже здесь?

— Около трёх месяцев, — ответил я, глядя вверх, ему на грудь.

Тогда он сказал: «Соберитесь вокруг, парни. Вы пойдёте за японские линии, а мы обрушим на них всё, что у нас есть.» Он помахал нам рукой, забрался в свой джип — и уехал.

## В джунгли

Не прошло и дня, как мы навьючили вьючных мулов, заполнили свои ранцы — небольшие и лёгкие, хотя каждый в полном снаряжении весил до 70 фунтов — пятидневным рационом, патронной лентой на 50 патронов, взяли заряженные винтовки, по две ручные гранаты, прикрепленные к поясу, мачете и *чагул* с водой, привязанный сбоку. После этого мы отправились вверх, на гору высотой 8 000 футов, совершенно не представляя, что встретит нас всего через несколько часов. Очень скоро мы это узнали. Тропа наверх была чрезвычайно узкой и крутой, и становилось всё труднее не отставать. А отставать было нельзя — японцы находились повсюду вокруг нас. Темнота наступала очень быстро — никаких сумерек практически не было. Ты просто спал там, где упал. Полтора дня потребовалось нам, чтобы добраться до деревни. Позже мы узнали, что её населяли *нага* — охотники за головами, и понятия не имели, как они нас встретят. Из-под крыши каждого дома, или *башара*, свисали черепа! Внутри было темно, как ночью, и всё заполнено дымом от костра, горевшего посередине помещения. Их пища — рис — хранилась в небольших сараях, построенных на сваях. Позже мы узнали, что японцы отбирали у них этот рис. Казалось, мы живём на вершине мира — и было довольно холодно, пока не всходило солнце. Каждый день нас отправляли в патруль, чтобы выяснить, где находятся японцы и чем они занимаются.

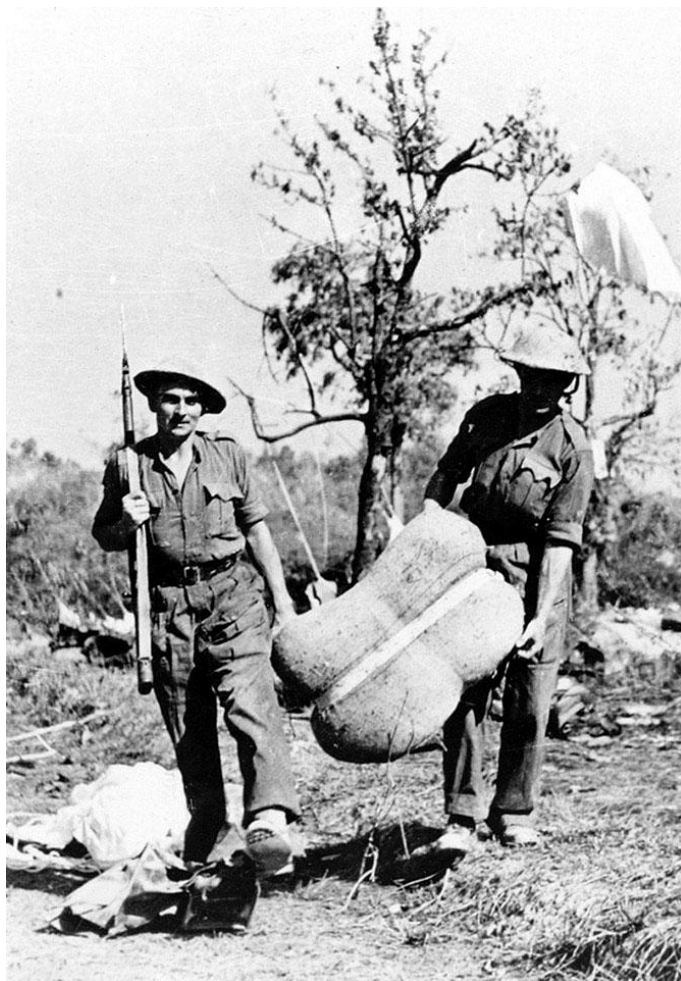
## Засада

Во время одного из патрулей японцы ждали нас и устроили засаду. Мы оказались под перекрёстным огнём, который буквально пригвоздил нас к земле. Когда я бросился искать укрытие, с меня слетела шляпа. Я побежал обратно по тропе за ней, пули свистели совсем рядом. Я остановился за толстым стволом дерева. До сих пор слышу, как пули с глухим стуком врезались в него. Я сделал последний рывок туда, где были мои товарищи... Нас осталось всего трое - остальных убили, одним из погибших был санитар - всего за день до этого он оказывал мне помощь.

Кажется, будто всё это произошло только вчера... Такие вещи навсегда врезаются в память. Ночью было хуже всего. Разные звуки, а японцы кричат: «Сюда, Томми!» Сердце колотится, а в животе появляется неприятное, тревожное чувство. На самом деле, после столь долгого времени ты превращаешься в один сплошной комок нервов. Если кто-нибудь говорит, что ему не страшно, — он врёт. С каждым днём мы всё глубже проникали в Бирму,

всё дальше за японские линии. Снабжали нас самолёты *Дакота*. Делали мы вот что: расчищали в джунглях площадку в форме буквы *L*, затем вдоль длинной стороны этой буквы разводили костры, и самолёты сбрасывали нам на парашютах всё необходимое — припасы, боеприпасы, почту. Парашюты были самых разных цветов. Сколько раз японцы подбирали наши сброшенные припасы и сколько раз нам приходилось отбивать их обратно — таких случаев было множество.

Были и так называемые «свободные сбросы» — большие тюки с кормом для мулов, которые сбрасывали на парашютах. Иногда такие тюки убивали наших же людей! Мы хоронили их прямо там, на месте, сооружали грубый крест и наносили координаты этого места на карту, чтобы после войны можно было вернуться и перезахоронить погибших на военном кладбище. Мы находились в боевых действиях уже около трёх месяцев, и вот-вот должен был начаться сезон муссонов. Мы думали, что до этого нам уже пришлось несладко, но как же всё изменилось! Вода и грязь доходили до бёдер. Ты сидишь один в своём посту наблюдения, не смея ни вдохнуть поглубже, ни чихнуть, а дождь льётся сплошной стеной, и вдруг слышишь крики: «Сюда, Джонни!» Ну просто невозможно представить, до какого состояния доходили нервы! Днём, если погода прояснялась и выглядывало солнце, мы развешивали всё своё имущество сушиться, а заодно старались избавиться от вшей и блох.



*Сбор сброшенных на парашютах грузов*

К тому времени мы превратились в оборванцев: волосы и борода слились воедино — из-под всей этой растительности видны были только мои глаза и рот. Меня прозвали *Уингейтом*! Как мы вообще продолжали держаться, я честно не знаю. Думаю, нас заставлял держаться страх быть раненым и попасть в руки японцев, если тебя ранят. Эвакуировать раненого было практически невозможно. Тебе давали 10 рупий серебром,

чтобы ты мог заплатить местным жителям за то, чтобы они позаботились о тебе или помогли тебе благополучно выбраться. Бои становились всё тяжелее, а японцы прибегали к очень жестоким уловкам. Они посылали вперёд своих раненых с поднятыми руками. Если кто-нибудь подходил им на помощь, у такого «раненого» за спиной оказывался автомат. Тогда остальные японцы бросались вперёд и расстреливали вас. Если кому-нибудь из наших не везло, и он был ранен, японцы закалывали его штыком, надеясь, что его крики заставят наших ребят прийти ему на помощь. Я помню одну деревню, в которую мы вошли... Зверства, которые там произошли, невозможно было забыть. Тела — некоторые без голов — и тот смрад, который ещё очень долго не выветривается из ноздрей...

### **Потерявшийся в джунглях**

Однажды ближе к вечеру мы находились в патруле: сержант, командовавший нами, и ещё шестеро человек. Мы шли по дороге, пока не решили остановиться и закурить. Курение, между прочим, здорово успокаивало нервы! Как только мы сняли ранцы, японцы внезапно открыли по нам пулемётный огонь. Мы бросились врассыпную, и я оказался отрезан от остальных. Темнота наступила очень быстро. Я оставался на одном месте всю ночь. К утру я совершенно не представлял, где нахожусь и куда мне идти. Я просто бродил, пока не наткнулся на небольшую деревню. Японцы уже побывали там и ушли, поэтому, насколько я понимал, мне ничто не угрожало. Я наткнулся на один *башар*, в котором лежала целая куча парашютов. Я стал выменивать у местных жителей еду на эти парашюты, и вот там я впервые увидел, как они едят: берут карри с рисом, перемешивают всё пальцами и отправляют прямо в рот!

Я переходил из деревни в деревню и наконец встретил нескольких ребят из Приграничного Полка. Одного-двух я знал — а среди них был ещё один парень из моего родного города, Миллом (Millom)! Он не узнал меня — с моими длинными волосами, бородой и в тех лохмотьях, которые на мне были. Он собрал у жителей немного еды — и они отправились дальше. Через два дня я догнал своих товарищей, и мы окопались в следующей деревне. Мне стало намного легче — всё-таки я больше не был один.



*Солдаты 23-й Бригады в походе...*

Условия, в которых мы находились, были просто невероятными: грязь, дождь, холод — и спать приходилось там, где удавалось прилечь. Нам должны были сбросить припасы, но из-за низкой облачности самолётам никак не удавалось этого сделать. Прошло шесть дней, прежде чем им наконец удалось произвести сброс. Это был то, что мы называли *роскошным сбросом*: консервированные фрукты, хлеб, К-рационы. Работало это так: банка фруктов, кусок хлеба — примерно три дюйма толщиной, весь в зелёной плесени, — но нас это совершенно не беспокоило! Примерно через час всё это просто пролетало через организм насквозь, но пока шел этот процесс, все было не так было неплохо! С нами были несколько гуркхов. Вот уж действительно безупречные солдаты! Когда ночью стоишь в карауле, всё время держа палец на спусковом крючке, рядом с гуркхами всегда чувствуешь себя в безопасности. И они при этом улыбались! Что бы они ни делали, для них всё было легко и просто. А уж чай (чар/char) они умели заваривать — просто пальчики оближешь! (Ха-ха!)

Мы стали всё чаще сталкиваться с японцами — причём со всё более многочисленными группами. В конце концов мы выяснили, что японцы готовятся вторгнуться через Импхал и Кохиму в Индию. Наша задача состояла в том, чтобы перерезать их линии снабжения, нанести как можно больший ущерб, а затем быстро уйти в другое место и повторить всё снова. Когда сейчас останавливаешься и думаешь о том, как же невероятно нам повезло... Кто-то определённо хранил нас, в этом нет никаких сомнений. Мне очень, очень повезло. Малярия, дизентерия — всё это ты просто принимал как неизбежное. Нервы были совершенно расшатаны, и каждый малейший шум или треск приводил их в ужасное состояние. Ежедневный приказ звучал: «Пленных не брать», но японцев всё равно брали в плен — и они стояли перед тобой, кланяясь и униженно заискивая.



*Японцы сдаются гуркхам. Для этих парней война закончилась самым наилучшим образом...*

Бои вокруг [Кохимы](#) и [Импхала](#) были чрезвычайно жестокими — практически рукопашными. Невероятно, что человеческое тело и человеческая плоть вообще способны такое выдержать, но где-то глубоко в сознании всё время жила уверенность: мы победим. И ещё один вопрос постоянно сидел в голове: кто из нас вернётся домой? Дом казался невероятно далёким. Ты разговаривал с мамой и отцом мысленно, в своих мыслях, но расслабиться совершенно не мог и всё время повторял себе: «Я вернусь домой целым и

невредимым». Однажды ты вдруг замечал, что вокруг становится значительно тише, но всё равно должен был оставаться настороже. И, поверьте мне, хаос, опустошение, сопровождающие бои, были просто невообразимыми, а запах разлагающихся трупов — в основном японских — фу-у-у!

Когда мы собрали свои вещи и самих себя в кучу и начали уходить, на смену нам подошел шотландский полк, которому предстояло продолжить там, где мы закончили. Они построились и отдали нам честь, а волынщик сыграл нам что-то. Мы, должно быть, выглядели как совершенно разношёрстная шайка, но зато мы были чертовски гордыми. Потом с нас первым делом сняли наше рваньё и бросили его в 40-галлонные бочки с горячей водой. Затем нам обрили бороды и волосы. Когда дело дошло до бритвы — вот это было больно! Я думал, что мне вместе с бородой содрали всю кожу с лица! Потом я едва успел надеть прекрасную чистую одежду, как потерял сознание. Следующее, что я помню, — я просыпаюсь в полевом госпитале. Малярия. Примерно через неделю меня вместе с несколькими другими отправили на машине скорой помощи на аэродром, и оттуда мы вылетели в место под названием Комилла/Komilla, где меня снова поместили в полевой госпиталь для восстановления. Там я любил лазать на манговые деревья, а спускался оттуда весь покрытый муравьями. После выписки мы сели на поезд, который должен был отвезти нас обратно в наши полки, находившиеся теперь в Бангалоре. Дорога заняла около недели.

Мы проходили восстановление и получали специальные усиленные пайки, а также много отдыхали. Нам очень нужно было прийти хоть в какое-то физическое состояние. Поэтому нас отправили в Бомбей на месячный отпуск — отдохнуть и повеселиться. Много времени мы проводили в месте под названием Канди-Бич/Kandy Beach, куда можно было доехать поездом из Бомбея. Прекрасный пляж и бассейны!

### **Возвращение к службе**

Когда отпуск закончился, нас снова перевели — на этот раз в Пуну. Поскольку Уингейт погиб, а командование принял генерал Лентейн, наши «спецназ» был расформирован. Мы снова стали обычной пехотной дивизией. Боевые действия в Бирме шли полным ходом, наши ребята всюду продвигались в направлении Рангуна, а мы тем временем снова вернулись к боевой подготовке. На этот раз мы готовились к лобовой атаке на Рангун. Когда мы слышали, что на Японию сбросили атомную бомбу, я, честно говоря, не могу выразить словами свои мысли и чувства. Я лишь помню огромное облегчение, потому что понимал: через несколько дней всё это закончится. Постепенно дела стали немного улучшаться. Нам даже выдали по бутылке пива!

### **Домой на Рождество**

Черчилль ввёл порядок, согласно которому любой военнослужащий, прослуживший за границей три года или больше, имел право на месячный отпуск дома. Моё имя оказалось первым в списке! Что это было за чувство! Примерно через неделю я отправился в аэропорт Карачи. Это был огромный лагерь, полный военнослужащих, которые всю ночь прибывали и улетали. Повсюду выкрикивали номера рейсов. Если не услышал свой номер — не повезло! Я уж точно постарался не пропустить свой. Я летел в бомбоотсеке *Либерейтора*. Мы приземлились в месте под названием Кастель-Бенито, в Тунисе. Ещё один день купания и футбола! На рассвете мы вылетели из Туниса. Какое это было великолепное зрелище: внизу пустыня, пирамиды, мчащиеся поезда. Я вижу всё это сейчас совершенно ясно, словно это было шестьдесят лет назад.

Когда мы летели над Средиземным морем и я смотрел вниз на корабли, двигавшиеся по воде, они казались спичками в ванне. Мы пролетали над Италией и Швейцарией — какое зрелище! Кое-что меня озадачило, а потом я понял: как же всё вокруг было зелено после всей той выжженной бурой земли и пыли, которую я видел за границей! Мы приземлились

на аэродроме Королевских ВВС в Борнмуте, где нас встречали как героев! Прекрасный обед — и даже кружка пива в офицерской столовой! Затем мы поездом отправились в Лондон, на Слоун-сквер/Sloane Square, где нас разместили в роскошных домах! На следующий день я отправился домой в отпуск. На вокзале меня встретил мой брат Айк. Когда я свернул на нашу улицу, у соседей были вывешены флаги, а через улицу висели плакаты: «Добро пожаловать домой!» Это меня здорово растрогало. Я наслаждался отпуском — встречался с мамой, папой и всеми остальными. Но время пролетело мгновенно: не успел я оглянуться, как уже снова оказался на Слоун-сквер.

### **Возвращение в Индию**

Мы отправились обратно в Индию на военном транспорте *Strathaird*. На этот раз условия были намного лучше, чем во время первого путешествия. Я провёл в Индии ещё двенадцать месяцев, а затем меня направили в Олдем/Oldham, в лагерь для военнопленных, размещённый в одном из старых хлопчатобумажных заводов *Glenn Mill*. Там меня демобилизовали, выдали гражданскую одежду и предоставили трёхмесячный отпуск. Я не стал использовать весь отпуск — я начал работать и вернулся к своей обычной жизни.

Из моей жизни был вырван целый кусок, но, по крайней мере, я вернулся домой. Многие мои товарищи домой не вернулись. Мне повезло. Я был счастливчиком, которому ещё предстояло оставить свой след в жизни.

<https://burmastarmemorial.org/archive/stories/1405956-you-lucky-lads-ken-keens-account-of-life-with-the-1st-btn-essex-regt23rd-bde?q=>

Перевод – ИИ, редакция – Владимир Крупник

Возврат к главной странице [www.warsstory.org](http://www.warsstory.org)